

ВАСИЛИЙ ЩЕПЕТНЕВ

БРЮСОВА ЖИЛА

12+

Василий Щепетнев

Брюсова жила

«Автор»

1922

Щепетнев В. П.

Брюсова жила / В. П. Щепетнев — «Автор», 1922

Маги, они не только в Грейт Британии есть. Они везде есть. И в России тоже. Особенно в России. Потому, что нам здесь без магии - никак. Не выжить. Ученики магических академий на каникулах не баклуши бьют, а, как пионеры давних годов, сражаются за счастье всех добрых людей.

© Щепетнев В. П., 1922

© Автор, 1922

Содержание

1	5
2	12
3	20
4	27
5	34
6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Василий Щепетнев

Брюсова жила

1

– Ну, знакомьтесь, – мать подтолкнула Саньку. Слегка, чуть-чуть, а все равно обидно. Будто несмышленьша ободряет.

– Александр, – буркнул он, протягивая руку.

– А меня Корнеем зовут – если чужие. А свои – Корнейкой, – и гость пожал руку, не сильно, но уважительно.

– Ну, привет, Корней... ка, – Санька хотел было померяться силенкой, кто кому пальцы переплющит, но передумал, а то и вправду мальцом считать будут. А он не малец, хоть и на голову ниже Корнея. Ещё подрастет. Они, Курачковы, долго растут. До двадцати лет. И даже больше. А ему всего-то тринадцать. Весною будет. Сейчас правда лето только начинается, за ним осень, зима, но ведь никуда весна не денется, придет на следующий год.

– Вы, ребята, пока поболтайте, а мы комнату приготовим, – сказала мать.

– Не девчонки – болтать попусту, – ответил Санька.

– А вы не попусту.

День только начинался. Во дворе куры, словно депутаты, искали поживу. То рыли землю в поисках червяка или ещё какой добычи, то вдруг кидались к бадейке, куда мать обыкновенно сыпала корм, проверить – не появился ль обед. Какой им обед, погодят.

– Ты, Корнейка, на поезде ехал? – задал Санька вопрос. Не то, что б не знал, или интересовался очень, а из вежливости. Гостей положено спрашивать о дороге, о здоровье, о ценах на то и се. Про цены ему совсем неинтересно, про здоровье тоже, и так видно, здоровый гость, остается – про дорогу.

– На поезде, – охотно откликнулся Корнейка.

– Не побоялась мать одного отпустить?

– Мать-то нет, а проводник упирался. Мол, не положено малолетним одним, без сопровождения ездить.

– Выдумывает, верно.

– Нет, не выдумывает. Есть такое правило.

– И как же ты доехал?

– Мать сказала, чтоб он и присматривал.

– И...

– И присматривал. Как мимо меня пойдет, так и смотрит, смотрит. Вокруг даже смеяться начали, уж не диверсанта ли приметил.

– А ты на какой полке спал, на верхней, или на нижней?

– Место нижнее было, да я его уступил.

– Правильно, я тоже люблю на верхней полке, – Санька, правда, ездил на поезде всего один раз в жизни, совсем малышом, ещё до школы, но верхняя полка ему понравилась навсегда. Высоко, никто не мешает, и в окошко смотреть интересно, лежишь и смотришь – поля, деревни, реки, леса... А на нижней полке если лежишь, то ничего не видишь, кроме облаков и попутчиков.

– Айда на улицу?

– Айда, – серьезно ответил Корнейка.

Улица, главная, она же единственная, тянулась из конца в конец деревни. Были правда ещё два-три переулочка, но так... неинтересные. А на улице – интересно. То трактор проедет, то мотоцикл, а по воскресеньям аж целый автобус из района.

– Пацаны у нас в Лисьей Норушке нормальные. Хорошие, можно сказать, пацаны, – рассказывал он Корнейке. – Есть два-три вредных, зато остальные дружные. Я тебя с ними познакомлю, с Ваняткой, с Равилем, ещё с Петькой Пирогом, да со всеми...

– Познакомь, – Корнейка шел спокойно, отдыхая, но Санька видел, как гость внимательно рассматривал и дома, и деревья, и даже кошек, что лениво лежали в предчувствии жары в тенёчке.

Навстречу, скучая, шел Петька Пирог.

– Физкульт-привет! – Петька недавно прочитал книжку про старую жизнь, и вторую неделю сыпал диковинными словечками: звено, пионер, драмкружок. Он и Саньке дал её почитать. Ничего книжка, про клад. Большой алмаз помещик спрятал, а ребята нашли. Не шалая-валяй наугад, а подумали – и нашли. Дедуктивный метод.

– Привет-фикульт, однако, – ответил он. – Знакомься, это мой брат двоюродный, Корнейка. Сегодня утром приехал. С Урала. А это Петька-Пирог, мы его Пирогом зовем оттого, что он лодку строил, пирогу.

– Очень приятно, – дурашливо шаркнул ножкой Петька. – Как высокому гостю понравилось наша маленькая, скромная, но очень уютная деревенька?

– Ты, Петька, добра молодца накорми, напои, спать уложи, а уж потом спрашивай, как понравилось, – Санька немного волновался. А ну, как Корней не поймет шутки, обидится?

– Деревенька хорошая. Простору много, – начал обстоятельно отвечать Корней. – Особенно впечатляет высокий уровень содержания кислорода в атмосфере и отсутствие хлора, бензола а также окиси углерода в почвенных водах. Рогатость коров позволяет надеяться на бурный рост производства товаров народного потребления, а качество гумуса обеспечит высокую наполняемость закровов родины. По самую маковку.

– Съел? – Санька толкнул Пирого в бок. – На Урале шутить тоже могут.

– Вижу, – согласился Петька. – А откуда – с Урала?

– Каменка. Деревня вроде этой. Только гор побольше.

– Ну, побольше – это не фокус. У нас и одной нет. Равнина.

– Ладно, равнинники, – перебил Петьку Санька, – ты лучше скажи, куда идешь.

– К Равилю. Обещал помочь, ему клуб убирать нужно. Мать-то в больнице.

– Давай и мы... Корнейка, пойдём, поможем? – вот тебе, братец двоюродный, и проверочка, Корней ты или Корнейка.

– Отчего же не помочь, – согласился Корней.

– Да ты с дороги...

– Не пешком же шёл. Ехал.

– В запломбированном вагоне? – не удержался Петька.

– В плацкартном.

– Это другое дело. Тогда айда...

Лай, низкий, басовитый, они услышали издали. Даже не лай, а рев. И крик:

– Место, дурья башка, место! Кому говорю!

– Опять Урюк с цепи сорвался, – зябко передернул плечами Петька.

– Сосед Равиля, Малков, собаку завел. Да не щенка, а большую, из города привез. Азиатскую овчарку. Завел, а сладить не может. Не слушает Урюк его, – торопливо объяснял Санька. – Загонит на крышу и до ночи там и держит. И – не подойди, разорвет!

В подтверждение сказанному сверху прокричали:

– Эй, ребята! Вы того... калитку прикройте! А то убежит зверюга, бед наделает!

– Не слушайте его, – крикнула женщина из соседнего дома. – Сам пусть закрывает. Завел людоеда, вот и справляйся! Всех перекусают, что пес, что хозяин!

Санька глянул через забор. Точно – хозяин забрался на крышу, а псина скалит зубы у приставной лестницы.

– Может, сбесилась она, – надрывалась женщина. – Ребенка на улицу непустишь. Какое там у него добро, что чудище завел сторожить? Кошей просто!

Хочешь, не хочешь, а к Равилю нужно было идти мимо калитки. Она, калитка, была распахнута, видно Малков собирался выйти, когда пес оборвал цепь.

– Нормальные герои могут и в обход пойти, – предложил Петька.

– То нормальные, – Славка возразил больше для куража. Обход, что обход... Умный в зубы не пойдет, умный зубы...

– Наташка! Наташка, поворачивай! Урюк сорвался! – закричал вдруг Петька. А чего кричать? У Наташки музыка в ушах, плеер, она себя не слышит, не то – Петьку.

Если плохое может случиться – оно случается. Что стоило Наташке проехать часом раньше или часом позже, а лучше бы и совсем остаться дома. Или хотя бы ехать без трещотки. А нет, едет и трещит на всю Норушку – смотрите, это я, Наташа Лунаева, еду. Как назло, трещотку он сам сделал для неё, из гусяного горла. Хорошая получилась, громкая. Всем слышно.

Урюк ее тоже услышал. Повернул башку, а затем развернулся и сам, развернулся и потрусил к калитке.

Где-то под ложечкой засосало и сердце остановилось. А делать нечего. Назвался груздем, полезай в пузо.

Он шагнул к калитке, шагком маленьким, робким. Второй вышел побольше, а третий – совсем хорошим.

– Куда? – крикнул Петька, но отвечать некогда. Куда, куда, в магазин по дрова! Калитку прихлопнуть, а то ведь порвет Урюк Наташку.

Секунды тянулись, как сосновая смолка, терпкие, вязущие. А ведь могу и не успеть. Санька побежал действительно быстро – но у самой калитки наткнулся на спину.

– Пусти, – пробормотал он.

– Гостю первое место, – ответил Корнейка и шагнул во двор.

Ну, всё. Не было даже сил закрыть глаза. Урюк огромными прыжками приближался к калитке. Три прыжка. Два. Один...

– Привет, привет, друг человека, – голос Корнейки, спокойный, укоризненный, для Урюка оказался крепче цепи. Пес остановился в пяди от Корнейки. За забором ахнула и замолчала крикливая соседка. Петька-Пирог, что вдруг оказался рядом, схватил за руку.

– Шалишь, брат? Скучно? Ты большой, взрослый, делом займись.

Пес понуро опустил голову, кончик хвоста едва вилял.

– Цепь, конечно, нехороша. Так ведь вон ты какой! Боязно.

Урюк твякнул. Не громко, не басовито, как прежде, а робко, даже заискивающе.

– Ты, конечно, отчасти и прав. В самом деле, где это видано – метлой.

– Эй, паренек! Ты его того... поддержи, а? Или вот веревка под лестницей, ты его веревкой за ошейник, и к дереву, – Малков пытался говорить уверенно, но чувствовалось – он растерян и даже напуган.

– Зачем же – веревкой? Он этого не любит.

– Да кто его спрашивает! Перебаловал я его, вот и дурит. Ничего, шелковым станешь, и не таких обламывали! – хозяин слез с крыши, но к собаке идти не торопился. – Я его, понимаешь, в питомнике брал, денег отвалил немеряно, а он...

– Он на взводе.

– Чего?

– На взводе. В другой раз не лаять будет, а сразу рвать начнет.

- Это меня? Хозяина?
- А он не знает, что вы хозяин. Думает, чужой.
- Не видел он чужих, дурья башка! Кормлю, пою...
- Одеваю, – тихонько добавил Петька-Пирог, но Малков не расслышал. Или сделал вид, что не расслышал.
- Ему этого мало.
- Что ж, песни петь прикажешь? Лезгинку танцевать? Сказки на ночь рассказывать?
- Сказки бы неплохо, – Корнейка опустил руку на голову Урюку. Тот прижмурил глаза и заворчал, но не зло, как прежде, а мирно, умильно.
- Кто бы мне сказку рассказал, – вздохнул Малков. – А ты, я вижу, по собакам спец. Сечёшь.
- Корнейка промолчал.
- У тебя что, много собак было? Или отец... как это называют – дрессировщик, проводник? Во, кинолог?
- Что-то вроде.
- У меня, понимаешь, это первая собака. С детства мечтал, ещё моложе тебя был. То одно мешало, то другое. А тут предлагают, возьми мол кобеля, задешево отдам (Малков либо позабыл, что отвалил кучу денег, либо сделал поправку на инфляцию). Я и взял. Да как-то не ладится у нас. Я книгу купил, но там всё больше про щенков, и вообще, книжная мудрость дешевая... Ты бы его того... не поучил? «Сидеть», «место», «охраняй», и всё такое. Не думай, я не даром, заплачу... Если сможешь, конечно.
- Смогу, – согласился Корнейка.
- Вот и ладно. Пусть слушается, а я свою собаку не обижу. Всегда и косточку дам, и будку теплую на зиму обеспечу, и всё, что положено, не сомневайся.
- Я и не сомневаюсь, – вежливо ответил Корнейка. – Только этого мало.
- А... А что ещё?
- Ее любить нужно, собаку. И кошку.
- У меня нет кошки.
- Так заведите. И корову любить нужно, у вас их четыре.
- Пять, – поправил Малков, – одну я племяннице отдал, у неё скоро сын будет, или дочь, пусть молока попьёт,
- Ей, поди, скучно без вас.
- Племяннице? Это вряд ли.
- Корове.
- Ну, не знаю...
- Она ведь живая, не вещь.
- Так и молоко Людке, племяннице, не помешает.
- Телку подарите. Или деньгами.
- Деньгами... Ты, паренек, того... Не путай. Деньги одно, родственники другое. Деньгами не откупишься. Ну, берёшься Урюка натаскать?
- Берусь. Но только...
- Что?
- Зовите его Джой.
- Эх... – Малков закрыл калитку и пошел в дом.
- Ой, мальчики, мальчики, чего это вы? – Наташка притормозила рядом. Вытащила из ушей затычки и с любопытством смотрела на Корнейку. – Как это он не боится?
- Брат мой. Двоюродный, – пояснил Санька. – Он Урюка... То есть Джоя взялся перевоспитывать.
- Как интересно... Я тоже хотела, да только побоялась.

- Урюка? – Петька нахально встрял в разговор. Где он прежде-то был?
- Нет. Малкова. У него глаза странные. То карие, то голубые.
- Такого не бывает, – авторитетно ответил Пирог. – Глаза – это тебе не платя-любочки.

Один раз надел – и всё, носи, пока не сносятся.

– А у Малкова бывает. Да ты не поймешь, – протянула Наташка. – А вот Санька...

– Я понимаю, – торопливо сказал Санька. – Состояние души...

– Рядом, Джой, – скомандовал Корнейка, и пес послушно встал у левой ноги.

– Он теперь что, с нами? – обиженный Петька сделал вид, что Наташки и вовсе нет рядом.

– С нами. А что?

– Нет, ничего. Хороший Урю... нет, Джой. Хорошая собака.

Пес вопросительно посмотрел на Корнейку. Тот подсказывать не стал, думай, друг, сам.

Джой вильнул хвостом – чуть-чуть.

– А Равиль вас ждет, – Наташка слезла с велосипеда. Давно пора.

– Чего нас ждать. Вот мы все, как на ладони, – Санька пытался успокоиться. Действительно, чего волновался? А сердце продолжало колотиться, глупое.

Равиль и слыхом не слыхивал о Санькином Несостоявшемся Подвиге. Причина простая – он чистил погреб. Старая, прошлогодняя картошка, ее ровесница капуста, свекла – всё жухлое, мягкое, проросшее. Нужно будет и наш почистить. Отцу-то некогда, на стройке от зари до зари. Летние зори дорогого стоят, когда есть работа. Всю зиму отец просидел дома. То есть это так говорится – дома, на самом деле мотался и по деревне, и по округе, не будет ли какого дела. За что только не брался, да ведь деревенские и сами всё умеют. Жили на то, что матери в школе давали, но какие учителю деньги платят...

Санька тряхнул головой. Чего это он о грустном, когда лето впереди?

– Ты думал, я один приду, а я целое войско привел, – Петька-Пирог рукою показал на войско. – Корнейка с Урала, да Джой – он теперь Джой – с Арала. А Санька ты уже три года знаешь. С таким войском любой клуб в два счёта до блеска разнесем!

Веселился Петька нарочно, чтобы Равилю легче было принять помощь.

– Но... – и точно, колебался Равиль. Самолюбив и щепетилен, как говорила о нем Петькина мать.

– Никаких «но», мы пехота, а не кавалерия. Вперёд!

Насчет «в два счёта» Пирог загнул, разве счет у него на часы. Но все-таки они справились. Страшно подумать, сколько бы пришлось Равилю с Наташкой вдвоём стараться.

– И, словно по волшебству, с двенадцатым ударом часов старенький деревенский клуб превратился в сияющие чертоги!

– Мой учитель говорит, что пара рук, веник и швабра порой стоят волшебства, – Корнейка (конечно, Корнейка, как он мог сомневаться!) вытер руки о тряпку, позвал Джоя и дал ему сухарик. – Заслужил.

Наташка протёрла последнее окно.

– Я бы выбрала волшебство – Наташка устала больше всех: мыла окна, а окон в клубе немало. – Взмахнешь волшебной палочкой, раз-два, и чистота вокруг, ни пылинки.

– Да, но ведь пока волшебную палочку зарядишь, тоже семь потов сойдет... – Корнейка чесал Джоя за ухом, и тот блаженно урчал, но так, что пол дрожал.

– Как это – зарядишь?

– Обыкновенно... Пустая палочка – как севший аккумулятор в твоём плеере, маши, не маши, одно.

Наташка с огорчением посмотрела на плеер. Аккумуляторы старенькие, садятся быстро.

– Думаешь, и у волшебников всё не просто?

– Закон сохранения энергии, он и в магии закон. Из ничего и выйдет ничего.

– Ты говоришь, будто с Гарри Поттером в одном классе учишься.

– Нет. У нас волшебных школ на Урале нет.

– А у нас и простую закрыли, в Чирки ходим, – перевёл разговор Санька.

– Давно что-то цирковских ребят не видно, – Равиль включил телевизор, что стоял в углу на столе, большой древний «Горизонт».

– А... Валька из города приехал, они теперь вокруг него копошатся, – Пирог отдышал: закрыл глаза и развалился на стуле. – Он компьютер привез, Валька. Диковинка. Ничего, скоро и у нас их будет – как сору.

– Это почему?

– Ты не знаешь? – сделал большие глаза Пирог. – Великое Счастье свалилось на нашу деревню, а некоторые и ухом не ведут.

– Собрание сегодня в клубе, – пояснил Равиль. – Чирковские приедут, агитировать наших. Чтобы паи земельные заводу продали. Кто продаст, обещают на работу взять. Но только чтобы все продали, или хотя бы три четверти.

– Начнётся... – Санька слышал от родителей, что не всем завод по душе. Ладно в Чирках, всё-таки три километра, а если цеха построят здесь, в Норушке? Зато работа будет, спорил отец. Что толку в чистом воздухе, когда есть нечего? Один аппетит. Да ничего с воздухом и не станет, мировая технология. То-то они свои технологии к нам везут, возражала мать. Кто прав, кто не прав, Санька не знал. Но в Чирках завод, как дождевик, рос прямо на глазах. Санькин отец его строил. Не один, конечно, строил. Человек пять с Норушки устроились на стройке.

– Ничего не начнется. Ещё и в очереди толкаться будут, – уверенно ответил Пирог. – Премию объявят тому, кто до первого июля землю продаст. Я в магазине слышал. Мол, тогда и деньги будут, и магазин откроют, и школу отремонтируют и опять откроют...

– Волшебную, с палочками и бесплатными завтраками, – добавила Наташка. – Или кино будут показывать. Век кино не смотрела. Прежде, говорят, три раза в неделю в Норушке кино было. А теперь один телевизор, если электричество есть.

– В городе и по ящику фильмов завались. А у нас одна программа едва долетает.

– Разбогатеем, на каждый дом тарелку поставим, каша с неба так и посыплется, – размечтался Пирог. – Включишь телевизор, а там – по одному каналу «Гарри Поттер», по другому «День Триффидов», по третьему и вовсе «Мир Пауков». У каждого по три головы и вырастет. Лисью Норушку нашу переименуют в Логово Дракона. Что-то телевизор никак не прогреется.

– Сломался? Жаль, – вздохнула Наташка. – Аккумуляторы сели, телевизор сломался, волшебной палочки нет.

– Можно и без палочки, – Корнейка подошел к телевизору, покрутил ручку, другую.

«Горизонт» загудел, по экрану пробежала рябь, а затем...

Он летел над землею, поросшей красной травой. Трава была везде – в полях, на лужайках, меж кирпичных дорожек, она пробивалась из-под развалин домов и душила рощу, последние деревья которой, опутанные темно-розовыми лианами, вели безнадежную последнюю битву.

Под ним мелькнула школа, дом, улица, всё ветхое, с провалившимися крышами и темными провалами окон. Нигде не души, ясный, солнечный день не грел, не радовал. Запустение.

Трава становилась выше, словно южная кукуруза перекарасилась и заполонила собой Норушку.

Вдруг он заметил движение. На окраине села, там, где пять лет назад начали строить автостанцию, но бросили, не возведя и половины, стояли ангары, большие, просто огромные, в лишаях камуфляжа, из которых то и дело выбегали насекомые – если бывают насекомые величиной с корову. Больше всего они напоминали бескрылых мух – с фасетчатыми глазами, хоботком, хитиновой блестящей головогрудью и рыхлым жёлто-серым брюшком.

Невидимый, он совершил круг вокруг самого большого ангара. Залететь внутрь? Но отчего-то не хотелось, не хотелось совершенно. Почему?

Он протянул руку, и... Нет, это была не рука – членистая черная лапа...

– Что это было? – голос у Пирога был совсем иным, чем прежде, никакой дурашливости, только испуг и тоска.

Санька оглянулся. Все они – и Пирог, и Равиль, и Наташка сидели, потрясенные увиденным. А из телевизора, лампового черно-белого ящика, несся хохот записных юмористов из «Смехопилорамы».

– Было? Нет, это будет – может быть, – ответил серьезно Корнейка. – Вы видели будущее. Возможное будущее.

– Но как это получилось – даже не кино, а явь... или сон? Будто все на самом деле.

– Наваждение. Чары. Волшебство.

– Волшебство? Откуда?

– Дело в том, что я – маг.

2

– Ну, брат, ты и удивил. Я-то думал, магов не бывает. Враки, – после долгой, неловкой паузы сказал Петька-Пирог.

– Ага. Очень удобно – что не понимаю, значит, враки, – задумчиво ответила Наташа.

– Я не сказал – не понимаю. Понять-то как раз можно. Всякие там лазерные проекторы, долби-стерео...

– В рукаве, да?

Все посмотрели на футболку Корнейки. И рукавов никаких нет.

– Бред, конечно, – согласился Пирог. – Но отчего-то всегда стараешься подобрать объяснение попроще.

– А ты не старайся. Простота, она...

– Простоту потом обсуждать будем, – перебил сестру Равиль. – Маг – это значит волшебник?

– Обученный волшебник, – ответил Корнейка. – До определенной степени, конечно.

– «Я ещё не волшебник, я только учусь» – процитировал кино Пирог.

– Ошибка Шварца. Нужно было «Я ещё не маг, а волшебник, я только учусь» – совершенно серьезно поправил Корнейка.

– Хорошо. Значит, ты – обученный волшебник, – Равилья не собьешь. Будет долбить в одну точку, пока не выдолбит нужного.

– До определенной степени. Скажем так – окончил начальную школу, сейчас учусь дальше.

– По классу скрипки, – вставил Пирог. Ему лишь бы болтать. Или это он берет дополнительную минуту на размышление.

– Очень уместная аналогия, – согласился Корнейка.

– Слушай, ты серьезно? – Санька посмотрел на Корнейку едва ли не с мольбой, скажи мол, что пошутил.

– Серьезней некуда.

– Нет, я вижу. Как ты с Джоем сладил, да ещё телевизор... Но зачем ты об этом рассказываешь?

– Не для хвальбы, уж поверь. Приходится. Вы видели не кино, не выдумку. Это была Лисья Норушка – через десять лет. Возможный вариант развития. То, что может быть.

– Что-то в этом духе я и почувствовал, – признался Равиль.

– И я, – согласилась Наташа.

– И я, – подтвердил Пирог.

– Если честно, то и мне показалось, что это наша деревня... – вздохнул Санька. Очень хотелось, чтобы всё оказалось фокусом, трюком, понарошкой. Вся честная компания бы посмеялась, да и делу конец.

– Но если может быть, то может и не быть, верно? – Равиль что-то про себя решил, и теперь уточнял детали.

– Верно, – Корнейка посмотрел на него с интересом.

– Быть или не быть, вот в чём... – начал было Пирог, но Наташа его перебила:

– Я, кажется, догадываюсь! Это от завода!

– Почему? – Санька в душе был с нею согласен, но разве это довод?

– Чтобы мир стал таким, нужно, чтобы что-то изменилось, верно? А у нас одна перемена грядёт – завод. Значит, в нём и причина.

– Логично, – пробормотал Пирог.

– А Кольке Верещагину велосипед горный отец пообещал купить, – сказал Санька.

– При чем тут велосипед?

– Прежде велосипеда у него не было, и мир не менялся. А из-за велосипеда всё и завертится. Логично? – и сам же себе ответил:

– Логично!

– Ты хочешь сказать, что завод здесь не при чём? – Наташа не обиделась. Другие девчонки, чуть поперек скажешь, дуются и видят в тебе врага смертного

– Я не знаю. Завод, он и есть завод. Заводов на земле построено – тьма. Ничего плохого. Я недавно видел – показывали в Голландии завод. Цветы, бассейн с рыбами золотыми, большущие... И, конечно, у всех зарплата, дома, машины...

– Положим, мухи отдельно, а котлеты отдельно, – Равиль любил вставлять в слова газетные выражение. Привычка от отца, тот прежде работал пропагандистом, ещё в прежние времена. Порой Саньку казалось, что Равиль это делает нарочно, в пику тому самому взрыву, что отнял и отца, и дом – мать с детьми тогда гостила у сестры. – Заводов и у нас много и было, и есть, а достаток не каждому даётся.

– Какие заводы. Тот, что строится – по передовой технологии. Разница – как между этим ящиком и «Сони» – кивнул Санька на телевизор. Он и сам не знал, отчего вдруг стал защищать завод. Нет, знал – очень хочет, чтобы отец стал веселым. А без работы какое веселье, разве пьяное, как у дяди Михеича. Хорошо, отец держится. Обидно, что его, механизатора, в Чирках чернорабочим из милости устроили на стройке. Не на каждый день даже.

Поддай-принеси-убери, шутит отец.

– Да что спорить-то, простота деревенская. Давайте спросим у Корнейки, он-то, наверное, знает, раз нам всё это показал, – думал-думал Пирог, и надумал

– Во-первых, я ничего не показывал. Это вы, вы сами увидели. Ваши мозги обработали информацию и выдали результат. Я, скажем так, сыграл роль проявителя, а не фотографа. Во-вторых, я здесь без году неделя, и что-либо узнать или почувствовать толком не смог.

– Послушай, тебя сюда специально послали, да? – нашло озарение на Пирого.

– Да. У меня здесь родные, и потому я должен острее видеть происходящее – так считает Наставник.

– Значит ли это, что угроза невелика, раз посылают, по твоему же выражению, мага – выпускника начальной школы? – поинтересовался Равиль.

– Тут одно добавление важно: «по классу скрипки». Нужен именно скрипач, а скрипачей мало, – без лишней скромности сказал Корнейка.

– И потом, бывают скрипачи в десять лет уже мировые знаменитости, да? – Наташа не сводила с Корнейки глаз. Конечно, высокий, да ещё маг... А он, Санька, самый обыкновенный. Карточный фокусы разве разучить? Нашёл он на чердаке книжку, старинную. С ятями, там и про фокусы карточные, и вообще много чего... Да нет, кому они нужны, эти фокусы...

– Всякие скрипачи бывают, – уклончиво ответил Корнейка, но восхищение в Наташиных глазах не угасло, отнюдь, она расценила ответ, как скромность лауреата.

– Послушай, а что ты вообще можешь – ну, кроме кино? – спросил Пирог. – Огненными шарами бросаться, например?

– От этого у нас дошколят отучают. Всё равно, что спичками баловаться.

– У вас – это где? – задал вопрос Равиль, и, как это часто бывает у Равиля, вопрос был – главным.

– Да в школе.

– Что-то вроде Академгородка? Академдеревни?

– Что-то.

– А попасть к вам можно? Или уже поздно – в двенадцать лет?

– Иные, как Ломоносов, и в семнадцать приходят. Только... Только кто из вас в музыкальную школу ходит?

- Никто. А, понял, способности нужны.
- Я ходил, – буркнул Пирог. – Два года, а потом бросил. Надоело. И пианино своего не было, а к соседям проситься... Мать договаривалась. Они ничего, соседи, хорошие, но кому ж это понравится – ходит каждый день чужой пацан и трям-трам по нервам.
- Способности, желание и возможность, – уточнил Равиль.
- Примерно так.
- Очень у вас секретно? Ну, тайно? Ведь в газетах о вас не пишут, по ящику не показывают.
- А Лисью Норушку часто по ящику показывают?
- Нет, – сознался Пирог. – Но всё же...
- Есть, конечно, секретность, как без неё. Больше по традиции. Кому нужно знать, о нас знают.
- А народу, стало быть, не нужно?
- Народ, друг Петька, он разный. Кто-то и знает. Вот ты сейчас узнал. Но для большинства магия – слишком странное явление. От неё будут требовать и высоких надоев, и повышенный зарплат, и спасения от болезней...
- А вы не можете, да?
- Повысить зарплату?
- Нет, спасать от болезней? От рака, например?
- Некоторые маги могут.
- А ты?
- Я...
- Я понимаю, ты ещё только начальный курс прошел, но хоть зуб вылечить сумеешь?
- А к зубному нашему Пирожку сходить некогда. Ждет, когда специально для него приплот мага, – съехидничала Наташа.
- Я ходил, – невозмутимо ответил Пирог. – В нашу районную поликлинику. Как добрался до неё – разговор отдельный.
- Все понимающе кивнули. Уже год, как отменили регулярный автобус, и попасть в район, если в семье не было автомобиля – а таких семей в Норушке четыре из пяти, – выливалось в целое приключение. Для здорового. А больному – мука.
- Так вот, добрался. Отстоял час в очереди на запись. А мне и говорят – нету зубного врача. Старый на пенсию ушел, а нового взять неоткуда. Езжай-ка ты, говорят, в областную стоматологическую поликлинику. А до города от района ровно двести семьдесят километров, семь часов езды. И билет в оба конца, если с матерью ехать, стоит... И остановиться нам там, прямо скажем, не у кого. А место в гостинице, опять же, стоит – помереть дешевле. А у меня всего зуб...
- Понимаешь, – Корнейка смотрел на Пирого с сожалением, – есть великий закон: ежели в одном месте что-то прибавится, в другом непременно убавится. Великий маг вылечит тебе зуб в одну секунду – и в ту же секунду дырявый зуб окажется у самого мага. Он-то себе его, пожалуй, тоже вылечит, но уже не за секунду, а за час. Конечно, можно свой дырявый зуб за чужой счет починить в момент, но так Великие Маги не поступают. Вот и с раком. Великий Маг может вылечить больного раком, но сам возьмет болезнь на себя. От рака он будет исцеляться – ну, скажем, неделю. Во второй раз – месяц. В третий – год. А потом – всё. Или баш на баш. В смысле – жизнь на жизнь. Но это редко бывает... Маги – не ангелы.
- Получается, проку в твоей магии чуть, – огорченно ответил Пирог.
- И не стыдно? – возмутилась Наташа. – Спасти хотя бы одного человека от неминуемой смерти, по-твоему, пустяк? Или ради твоего зуба Корнейка должен лишиться своего, да?
- Ну нет, конечно, – смутился Пирог.

– Есть ведь и третий путь. Свой зуб можешь вылечить ты сам. Я только помогу. Травка нужна, мы ее в лесу найдем. И диета. Творожок, сыр, холодец. Через месяца два дупло и затянется.

– Это замечательно, – повеселел Пирог. – Холодец я люблю.

– А как насчет рака? – неуверенно спросил Равиль. – Его человек может – сам?

Корней молчал долго, казалось, невыносимо долго. По часам – минуты две.

– Знаешь, рак, он болезнь особая. Это как джинн в бутылке. Сидит и сидит, пока сам человек бутылку не раскупорит.

– А как же дети? В пять лет, в два, в шесть месяцев? У них-то откуда?

– То у родителей спрашивать нужно. Наследственность. Джинна выпустили они, но набрасывается тот на детей.

– И ничего... Ничего нельзя сделать?

– Отчего ж. Главное, чтобы человек понял, что его жизнь нужна другим. Тогда можно помочь.

– Сто пудов? – любил Пирог поговорки государственных людей.

– Для великого мага – девяносто девять.

– А для тебя?

– Не знаю. Ведь это – испытание. Смог помочь – великий маг. Не смог – так, фокусник, трюкач.

– Ладно, что мы все о болячках, да о болячках. Давайте лучше...

Джой поднял голову, оскалился, но не зарычал.

– Идёт кто-то.

Пришел не кто-то а сам Олег Степанович Гурьев, председатель колхоза «Великий Путь». Колхоза давно не было, вместо него организовали было акционерное общество, но с ним тоже не заладилось. А председатель остался.

– Справились? Вижу. Орлы. Знаю, что за тобой, Равиль, и проверять не нужно, весь в мать. Что ж, к собранию всё готово, не стыдно принимать людей. Вы гуляйте, гуляйте, а нам тут кое-что подправить нужно. Клуб я закрою сам, – и он пошел на сцену. Следом потянулись и другие конторские.

– Пойдем и в самом деле, что нам, – сказал Равиль, поглядывая на Джоя. Тот по-прежнему молчал, но клык из-под верхней губы был красноречивее всякого рычания.

Они вышли на улицу.

Зной спал, осенью можно было бы сказать «вечерело», но сейчас скорее подходило школьное «продлённый день».

– Ну, мы, пожалуй, пойдем, – Санька вспомнил о долге гостеприимства. Не сам вспомнил, живот подсказал. Дома, поди, и обед простыл, и вообще... Заработались.

– Куда? – Пирог не хотелось расставаться. Вдруг Корнейка ещё что покажет. Или расскажет. Например, как собственными усилиями избавиться от дырки в зубе.

– Кушать, что подано, – вежливо объяснил Санька.

– Вот так и рушатся все начинания, – с сожалением проговорил Пирог. – Только-только подберешься к Великой Тайне, как приходит Время Обеда.

– Ничего, – Наташа взяла брата за руку, – есть ещё и Время После Обеда. Нам огород полоть, три грядки. А к вечеру...

– К вечеру и соберемся. У горелой ветлы, – у Пирога тоже были кое-какие огородные дела. Как и у Санька, да и у всех деревенских. Один колорадский жук чего стоит. Прежде, говорят, не знала наша земля такой напасти. Когда родители были, как он сейчас, жук и появился. Из Америки завезли. Когда он узнал, как он клял эту самую Америку! Но мать остудила гнев, напомнив, что и картошка тоже оттуда, из-за океана. Не было бы Америки – не было бы и картошки, помидоров, да много чего не было бы...

– А с Джоем что делать? – спросил Равиль.

– Со мной побудет. Хозяин его сейчас в таком настроении, что только обрадуется. Если спросит, ну, вдруг, так и говори, мол, учат собаку.

Собака облизнулась.

– Тоже, видно, голодная. Ладно, обедать, так обедать, – смирился с неизбежным Пирог.

Дома, если и заждались, то виду не показали. Джую удивились, но не очень, Корнейка объяснил, что взял Джоя на воспитание. Харч хозяйский, а пёс очень умный.

Обедали в саду, под рябиною. Мать расспрашивая Корнейку, как там у него на Урале. Корнейка отвечал обстоятельно, и получалось, что живут родственники жизнью самой обыкновенной. Командировки, ремонт, чистка колодца, сбор трав в лесу – как будто не маги, а обычные, деревенские люди. Быть может, родители и не знают ничего? Потом спросит у Корнейки.

– Ну, теперь отдохнете, наверное? – спросила после компота мать. – Всё ж с дороги...

– Пустое, тетя Валя. Что дорога? Спал без задних ног. И без передних. Мы вот на огород пойдем. Картошку полоть, жуков собирать.

– Ну, если хочешь... – протянула мать, но видно было, ответ пришелся по душе.

Огородов у Курачковых было два – один у дома, на десять соток, а другой, большой, на сорок соток, лежал в трех километрах от деревни. На него они с Корнейкой и пошли. Зной спал, и потому идти было легко, приятно, оглянуться не успели, как дошли.

– Вот он, наш огород, – показал Санька.

Длинные ряды уходили, казалось, за горизонт. Обман зрения, просто земля поднималась вверх, на бугор.

– Интересное местечко, – медленно протянул Корнейка.

– Место, как место. Обыкновенное.

– Не скажи... Ладно, об этом после. Что делать нужно – собрать жуков да полоть сорняки?

– Точно. У вас, на Урале, жуков колорадских много?

– Бывает, и залетают. Но против них есть старый волшебный способ.

– Какой?

– Сейчас покажу, – Корнейка прошелся вдоль рядка, собирая в банку колорадских жуков и личинок. Шёл и шёл, пока не собрал половину банки-литровки.

– Этак-то и мы можем, – протянул Санька.

– Погоди.

В банку он положил ещё всякого сорняка – осота, пырея, прочей вредности, перетряхнул банку и подсыпал в неё щепоть земли и поводил руками вокруг банки. Саньку показалось, что между ладонями у Корнейки проскакивают зелёные молнии, но наверное сказать он бы не мог – солнце светило ярко, а молнии, если не привиделись, были слабенькими.

– Полчасика подождем. Полежим в тенёчке, переварим обед.

– А потом?

– Увидишь, – пообещал Корнейка. – Практическая магия, раздел «Сельское хозяйство».

Они прилегли в тени посадки, что тянулась вдоль поля.

– Послушай, а мои... Они знают, что ты маг, и вообще? – просил Санька.

– Знают, но не верят. Вернее, не придают значения.

– Как это?

– Мы знаем, что Земля круглая, но в обычной жизни внимания на то не обращаем, верно?

– Верно, – согласился Санька, ничего не поняв.

Не понял – думай, учил отец. И он начал думать. Не придают значения... Ну да. Все знают, что от пьянства один вред, но пьют. Не придают значение. Или курение. Минздрав предупреждает, предупреждает, а хоть бы хны. Так, наверное, и родители. Маг, а что такое маг,

наверное, что-то вроде музыкальной школы, или физико-математической для одаренных... Не задерживается мысль на этом и переключается на другое...

У Санька и самого переключились мысли на другое.

А Корнейка раскрыл пакет, в котором были банки для жуков, и вытащил из него завернутый в странные, большие листья, кусок мяса на кости.

– Обедай, Джой.

Тот обнюхал, вопросительно посмотрел на Корейку.

– Ешь, ешь.

Джой упрасивать не стал – схватил кус, утащил под куст и с утробным рычанием принялся пожирать.

– Откуда?

– Утром охотники лося завалили. Егеря куски, что получше, взяли, а остальное бросили.

Не пропадать же добру.

– Какая охота, где?

– Да есть местечко в Подмоскowie. Для руководства. Охотхозяйство имени... Впрочем, это неинтересно.

– Но как же ты... А, понял. Магия.

– Элементарная, – согласился Корнейка. – Перемещение объекта в пространстве при известных координатах.

Они полежали ещё. Джой от мясной сытости начал распевать свои овчарочно-азиатские песни. О чем видит, о том и поет. «Вот я лежу, наевшись лосиноного парного мяса, а рядом обретенные друзья ведут душевную беседу. Как сладостен миг покоя!»

О том ли пел Джой или нет, Санька точно не знал. Домысливал. Сочинял. Потом сочинял свое, но выходило куда как менее складно. За собаку думать легко, а вот по-человечески...

– Пора, – поднялся Корнейка. Он посмотрел банку на свет. – Процесс пошёл.

– Какой процесс?

– Структуральная модификация. Теперь и жуки, и личинки к картофелю будут чувствовать одно отвращение и станут питаться исключительно сорняками, – с этими словами он вытряс из банки жуков на ближайшую грядку. – Мало того, своим энтузиазмом они будут заражать всех жуков и всех личинок, с которыми столкнутся.

– Значит, все? Колорадского жука больше нет?

– Увы. Надолго эти качества не сохраняются. Перекуется только поколение этого года.

Но поле даст полуторный, а то и двойной урожай, что тоже хорошо.

– Ещё бы.

– А мы... Мы теперь можем погулять по окрестностям деревни, если ты не против.

Санька против не был. Уходя, он посмотрел на рядок – не то, чтобы не доверял Корнейке, а из любопытства.

Жуки с удовольствием устроились на осоте, и, похоже, до ночи колючий враг не доживет. Хорошая штука – магия, подумал он.

– Наука тоже может многое, если с умом, – будто прочитал его мысли Корнейка. – Тот же ДДТ, ядохимикат, не разбрасывайся им налево и направо, большую пользу принести бы смог.

– Значит, и магия может навредить?

– Запросто. Семь раз отмерь, а потом ещё семь раз, и только потом решай, применять магию, или можно обойтись тряпкою. Вот осот. Сейчас он вредный, а не будь его вовсе, как знать, не объявится что-нибудь вреднее вдесятеро. Прежде болезнь была, оспа. Извели. Ура, ура, и тут же СПИД вылез.

– Но жуки...

– Это у меня дополнительная нагрузка по биологии. Задание на лето – придумать и испытать на одном поле средство от вредителей. Я ведь на весь земной шар не замахваюсь. Даже на район. Одно-единственное поле. Ну, идём?

Они шли не в деревню, рано. В Дом Дикого Барина. Санька решил показать Дом Корнейке. Даже не сам Дом, а Парк. Как-никак, достопримечательность. Почти союзного значения. Что такое «Союзное Значение», Санька твердо не знал, но так говорили о чем-нибудь особенном, небывалом.

Парк, что окружал дом, казался дремучим лесом. Ещё бы. Никто деревьев не рубил. Даже заядлые чирковцы, которые, отвернись, тень прихватят, и те обходили парк стороной. Нет, время от времени являлся человек неверящий, смеющийся над бабкиными страхами, но войдет в парк, отыщет дерево получше – или сразу три дюжины деревьев, начнет рубить или пилить – и вдруг сердце защемит, либо голова заболит, либо в поясницу вступит, да так, что хорошо, если месяцем больницы отделается. Геопатогенная зона – это мудреное слово Санька запомнил, потому что про Парк написали в журнале, в разделе «Непознанное».

И хорошо, что непознанное. Зато тихое и тайное. Нет ни бутылок битых, ни прочей дряни, как в парке культуры и отдыха, что в Чирках. Почти тайга. Белок много, куницу раз видел, а ещё, дятлы, сойки. Грибов полно. Если парку не вредить, то ничего, можно ходить. Не везде. На Могилу Колдуна он только издали смотрел, а ближе не пускал тревожный голос. Он так его прозвал – «тревожный голос», а на самом деле это, наверное, был обыкновенный страх. Ничего, отец говорит, без страха и жизни нет. Вот из окна пятиэтажного дома прыгнуть страшно, и хорошо, а то все бы давно попрыгали, что тогда? Нужно понять, чего боишься, а потом и решать, стоит ли перебарывать страх, или лучше все-таки отойти от окна, не лезть на подоконник.

Хотя у них в Лисьей Норухе и пятиэтажных домов никаких нет. Даже трехэтажных нет.

Но вот с Могилою Колдуна понять, чего боишься, он не может. И Равиль не может, и Пирог, и Наташа. А каждый слышит, будто кто-то внутри говорит «Стой!» Посмотрим, что Корнейка скажет.

А Корнейка молчал. Шёл по парку, прислушивался, приглядывался, даже, кажется, принюхивался. И Джой рядом с ним вел себя, словно выполнял приказ командира «Делай, как я!»

Наконец, у аллеи, что вела на Могилу Колдуна, они остановились.

– Непростое место, – Корнейка положил руку на голову Джоя, и тот замер, оцепенел.

– Чёрная магия? – спросил Санька.

– Чёрная, белая, в крапинку... – Корнейка выглядел озабоченным. – Много чего навечно. Стоит дед, во сто шуб одет, кто его раздевает, тот слёзы проливает. Так и здесь – шуба на шубе, заклятие на заклятии. У мышки слезок не хватит. Всё смешалось в доме Облонских.

– В каком доме?

– В жёлтом. Это я так, не обращай внимание. Когда думаю, всякую чепуху говорю. Помогает сосредоточиться, – бормотал Корнейка, а сам тем временем присел на корточки и стал разглядывать траву. Обыкновенную, такой травы везде полно. Но, видно, Корнейка что-то в ней видел. То одну травинку сорвет, то другую. – Здесь с фантазией чудили. Силы изрядные, да на свисток все и ушли. Не вашим, не нашим, никому, – он выпрямился, отряхнул колени. – Ладно, идем.

– Туда? – показал Санька на Могилу.

– Ты хочешь? – вопросом на вопрос ответил Корнейка.

– Не то, чтобы очень. Просто любопытно, отчего место жуткое.

– Любопытство, оно, брат Александр, для кошек губительно, но мы не кошки. Да время неподходящее. Шум поднимется до небес. Поросята по сухостю и то тише ходят. Да ещё Сатурн в созвездии Весов... Нужно годить. Тяп-ляп, давай-давай – это для первоклашек. А мы люди солидные, низшую математику превзошли, за среднюю взялись, нам кляксы языком

зализывать не подобает, – похоже, Корнейка сосредоточился не на шутку, если молот всякую чепуху. Бывает. Отец, как задумывается, песню мурлычет еле слышно, «хорошо картошку чистить одному на целый взвод», а Иван Иванович, сосед, когда шахматную задачу решает, обязательно что-нибудь из дедушки Крылова вспоминает. «Очки не действуют никак», или что-нибудь подобное.

– Что, Джой, куда пойдём, прямо, налево или направо?

Пес попятился.

– Назад? Тоже дело. Шаг вперед, два шага назад, три в сторону, лучше меньше, да лучше... Ладно, не будем перекладывать решение на пса, это нечестно, – Корнейка выдернул из земли дикий чеснок, протянул Саньку. – Возьми дольку, пожуй. Или даже две.

– Зачем?

– Увидишь.

3

Санька послушался – отряхнул луковицу от земли, отломил пару крохотных, не в пример огородному чесноку, долек, очистил от шкурки и разжевал. Лишь в первые мгновения они показались горькими, но затем... Затем он, действительно, увидел.

Вокруг Могилы из земли били струи пара, но странного, чёрного пара. Фонтанчики поднимались то на вершок от земли, то выше, порой доставая кроны деревьев, но тут же вновь припадая к земле. Чем ближе к Могиле Колдуна, тем этих фонтанчиков становилось больше, и самой Могилы из-за них совсем не было видно. Но странно – кусты и деревья от этих струй не только не страдали, а смотрелись ярче, пышнее.

И вдруг среди черных фонтанчиков мелькнула чёрная же чешуйчатая спина – спина огромной змеи или ящерицы, не разглядеть. Матовая, без блеска. Если это была змея, то размером с анаконду. А ящерица – с крокодила.

Он шагнул назад – не из-за того, что струсил, а так, от неожиданности. Да и струсил, чего уж...

– Так что, брат Александр, сам видишь – не стоит туда ходить.

– Вижу, – во рту пересохло, то ли от дикого чеснока, то ли просто... – Кто это?

– Элементалия. Маленькая такая, безобидная элементалия, вроде ужика. Но и ужик, знаешь, всякой мелюзге опасен, головастикам. Пусть думают, что мы головастики, увидели, испугались и уплыли подальше.

Корнейка двинулся назад. Джой посмотрел на Саньку, чего медлишь, идём, погано здесь, но Санька всё смотрел и смотрел, не явится ли вновь ужик. Этот ужик не головастика – овечку проглотит. Или даже корову.

– Он что, всегда там был? – спросил Санька, поравнявшись с Корнейкой.

– Ужик-то? Всегда не всегда, а миллион лет точно. Или два. Геологию я ещё не проходил толком. В общих чертах разве. Тут тектоническая скважина, земной ключ. Через сто миллионов лет нефть под землю скопится на радость автомобилистам.

Будут ли ещё автомобилисты через сто миллионов лет, подумал Санька, но успокоился. Геология – наука мирная.

Санька всё приглядывался вокруг, не увидит ли ещё чего, но либо чеснок выдохся, либо места совсем обыкновенные пошли. Трава, мох, грибы кое-где. Он тоже научные слова знает – ландшафт, к примеру. В старых журналах вычитал. У них в доме их две стопки, «Наука и Жизнь», и «Техника – молодежи». «Науку и жизнь» мама выписывала прежде, а «Технику...» – отец.

– Обыкновенный ландшафт среднерусской полосы.

– Да, – рассеянно ответил Корнейка. – Ландшафт, конечно, обыкновенный... С вкраплениями только. Но и это обыкновенно. Не бывает простых мест. Если где-нибудь найдут обыкновенную, без всяких аномалий, или, лучше, чудес, область размером хотя бы с княжество Лихтенштейн, то это будет самое чудесное место на Земле. Ужик это пустяк, а вот сама Могила... – и он замолчал.

Верно, думает.

Шагов через пятьдесят Санька решился.

– Она что... очень нехорошая? Могила?

– Пока не знаю. Она столько энергии поглотила за все эти годы, Могила... Что угодно вскормить может.

– Что угодно?

– Или кого. Вампира, вурдалака, оборотня...

– Постой, постой, разве вампир и вурдалак не одно и то же?

– Нет. С чего это ты решил?

– Я читал книжку...

– Какую? – с любопытством спросил Корнейка.

Они шли по краю Парка, шли неспешно, со стороны посмотреть – два пацанапрогуливающие каникулы.

– Да я не помню. Кто-то в класс принес. Их, говорят, много, таких книг.

– В другой книге я читал: где умный человек спрячет лист? В лесу. Как лучше всего внушить людям, что магия – выдумка? Напечатав сотни книг – сказок, фантастики, просто ерунды. Прочитал две-три и на всю жизнь уяснил – нет никакой магии, обман.

– Но зачем?

– Чтобы не пробовали заниматься ею всерьёз.

– Разве можно – ну, обыкновенному человеку?

– Может же немусыкант бить по клавишам рояля или даже по барабану. Только не музыка будет, а шум. Вот и если бесталанный человек займётся магией, тоже получится шум. До небес. Нет уж, пусть лучше думают, что магия – враки.

Они стояли на углу парка. Вдалеке виднелась церковь, то, что от нее осталось. Ещё в тридцатые годы комсомольцы – добровольцы взорвали её. Пять лет назад пробовали восстановить, да не вышло. Сначала обвалилась стена и двух мужиков задавила насмерть, а потом сгорел бульдозер. Решили, проще новую построить. А там банк лопнул, в котором собранные на церковь деньги лежали, потом другое, третье, не до того стало.

Корнейка, которому Санька рассказал эту историю, посерьёзней ещё больше.

– Однако, места здесь примечательные. Благорастворение воздуха. Тёмный узел. Ступать нужно аккуратно, неровен час – провалишься. Хорошо ещё если по коленки, а вдруг с ручкам? Сгинешь.

– Куда – провалишься?

– То-то и дело, что неясно, куда. Сплошные непонятки. Ладно, брат Александр, не будем пугаться прежде срока. Давай грибов соберем, всё дело.

Грибов они набрали изрядно, и всего за какой-то час. Подберезовики, лисички, Санька даже пару боровиков нашел, крепеньких, хоть на выставку.

– Я думал, маги и мухоморы собирают. Мухоморы, бледные поганки, сатанинские грибы...

– Всякому грибу свое лукошко, – подтвердил Корнейка, – Только нам не тараканов изводить. А для ужина поганки слишком тяжелы. Ляжешь, да и не встанешь.

– Нужно к горелой ветле, мы ж с Пирогом сговорились, – Санька посмотрел на пакет, доверху набитый грибами. – Не поломать бы сыроежки.

– Не ломаем, – успокоил Корнейка. Он взял пакет из рук Санька и поставил рядом. Словно на полку. Полки, правда, не было, но и пакета с грибами тоже не стало.

– А где... грибы? – глупо, но Саньку стало жалко трудов. Когда ещё боровичков сыщешь. То есть сыскать-то можно хоть завтра, а всё ж... Получается, зря рвали, вроде пакостили.

– Магическая камера хранения. Очень удобно.

Пока они шли к горелой ветле, Санька все думал о том, как хорошо быть волшебником. Завидовал. Говорят, нехорошо завидовать, но как удержаться? Он и прежде завидовал – певцам с хорошим голосом, спортсменам, космонавтам. И ясно понимал, что космонавтом стать есть надежда, вдруг да и станет когда-нибудь, но вот петь, чтобы уши не вяли, не сможет никогда. А хотелось бы затянуть чистым и сильным голосом хорошую песню ну хотя бы на школьном концерте, или у костра, и петь так здорово, чтобы у слушающих мурашки по спине забегали. Не дано. Обидно, да толку-то обижаться?

Джой подставил свою лобастую голову, мол, петь – это пустое, он вот говорить не может, и ничего, обходится как-то.

Пирог уже ждал их под ветлюю.

– Вечер добрый всей честной компании, – поприветствовал он вежливо. – Каковы успехи в битве за урожай?

– Два-ноль в нашу пользу, – ответил Санька. Рассказывать Пирогу про Могилу Колдуна? Пусть Корнейка решает.

– А Равиль с Наташкой не придут. Дядя к ним приехал на вечер. Сегодня вообще день гостей какой-то. Корнейка к тебе, к Равилю дядя объявился, глядишь, и к нам кто пожалует.

– Ага. Зубной врач с бормашиной.

– Нарочно, да? И как, кстати, насчет сбора целебных трав для страждущих?

– На заре, утром, – Корнейка посмотрел на Саньку. – Можно прямо в парке и найти, можно и в лес сходить. Её, травы, немного нужно, на один-то зубок.

– Утром, так утром. А сейчас что делать будем?

– Что можно делать в деревне вечером? Страшные истории рассказывать.

Они сели поудобнее. Земля, тёплая, весь день солнце грело, трава пахнет простором, волею. Прежде, говорят, в этих землях табуны диких коней паслись. Давно.

– Кто начинает?

– Я, – ответил Пирог. – Недавно в старом журнале прочитал. Прошлогоднем.

– У Пирогоа память, как у разведчика. Слово в слово помнит, – объяснил Санька Корнейке. – Давай, говори слова.

– Ну, слушайте...

Первой в деревне пропала овечка Звёздочка. Когда к вечеру баба Аня пошла за нею к трём березкам, что растут на лугу, овечки не оказалось ни у деревьев, ни в зарослях бурьяна, этим летом разросшегося необыкновенно буйно, ни в мелком овраге.

Баба Аня обошла окрестности, расспросила всех от мала до велика. Звёздочку не видели, лишь пятилетняя Таня, дочка фельдшерицы, сказала, что овечку, наверное, забрало тёмное облачко, поднимающееся из оврага. С отчаяния баба Аня даже пошла посмотреть на облачко, но, конечно, ничего не увидела, одну лишь дыру, черную, непроглядную, невесть когда пробившую дно оврага. Но в дыру овечка попасть никак не могла, разве только ножка. С досады баба Аня побросала в дыру комья земли, но напрасно – сколько уж раз пытались её засыпать то ребягня, то Антон-пастух, деревенский блаженный, но всегда, спустя день-два, в крайнем случае, через неделю дыра появлялась вновь. Дождём, что ли, размывало, или ещё по какой причине.

Баба Аня съездила в район. В райотделе её милиция долго уговаривала забрать заявление, у них семь убийств нераскрытых, десять без вести пропавших за год, а ещё кражи и прочие правонарушения, потому заниматься деревенской ерундой совершенно некому. Но баба Аня заявление оставила и пообещала, если что, написать прокурору.

Вряд ли кого она обещанием напугала, милицейские в тот раз в деревне не появились, дознания не вели.

Неделю спустя не вернулся домой Колька, внук Пелагии Самохиной, отданный бабушке на лето городскими родителями. Мальчишка, даже семилетний, не овечка, из района приехала милиция. Узнали, что Колька вместе с тремя другими пацанами играл у оврага в «терминаторов». Все время он был на виду, но вдруг пропал. Ребята решили, что он просто ушел домой. Лишь к обеду баба Пелагия спохватилась внука.

Милицейские интересовались, не видел ли кто незнакомого мужчину, полного, лет сорока, на правом предплечье татуировка – якорь и змея. Особенно дотошно расспрашивали детей, но и они никаких знакомцев, обещавших покатать на машине и угостить конфетами, не видели. Да и как незнакомцу подступиться к Ветрячкам (так звалась деревня) незаметно, если на пять верст окрест ни леса, ни рощи, сплошные поля. И пешего, и машину с юра видит каждый. Девочка Таня опять говорила про тёмное облачко из оврага, но узнав, что девочка в тот день никуда со своего двора не уходила, интереса к её словам не проявили.

Допросив двух ветрячковских мужичков, имевших некогда судимость, милицейские уехали в район.

Деревенского блаженного Антона хватились на следующее утро. Он, исправно пасший частных коров уже тридцать с лишним лет, вдруг не вышел на службу. Пошли к нему в избу, где Антон после смерти матери жил под присмотром мира. В избе никого.

В милиции поначалу сказали, что заявление о пропаже совершеннолетних принимаются после трёх дней. Может, пастух решил отдохнуть. Тридцать лет без выходных – шутка ли. Но затем кто-то решил, что пастух и есть причина пропажи мальчишки.

На этот раз приехали с собакой, большой, свирепой овчаркой. Собака уверенно взяла след от избы пастуха и прямёхонько потянула к овражку. Милицейские довольно переглядывались — угадали. Миновав берёзки, собака начала спускаться в овраг – и вдруг остановилась, уперлась лапами в землю и дальше идти отказалась. Крупная дрожь била её, она скулила, словно и не овчарка, а безродный щенок.

Уже без собаки обследовали овраг, но ничего не нашли. Постояли у дыры, гадая, откуда взялась, но мысль, что в ней может пропасть мальчишка, не говоря о взрослом пастухе, казалась нелепой.

Наказали смотреть повнимательнее, ещё раз напомнили о незнакомце с татуировкой, с тем и уехали.

Спустя два часа завиднелась новая машина. То был Колькин отец, Владимир Некипелов, муж дочки Пелагии Самохиной, Валентины. Сама Валентина отдыхала где-то в Австралии. Владимир Некипелов, в прошлом кандидат физико-математических наук, уже десять лет как ушел из «ящика» и открыл собственное дело. Поначалу торговал компьютерами, а сейчас в городе у него три магазина, ресторан и парк такси. Богатый, а скромный, машина простая, «Нива».

Некипелов спокойно, без криков и ругани, расспросил тещу, поговорил с деревенскими и уехал назад, пообещав вернуться.

В районе он посетил милицию и прокуратуру, а потом побывал уже в прокуратуре областной. Захватил в городе необходимые вещи и обернулся в Ветрячки до полуночи.

Наутро Некипелов ходил по деревне, говорил с каждым, что думают о случившемся. Не обошел и малышей, те хоть и ростом невелики, а глазастые.

Оказалось, что он и награду объявил, сто тысяч рублей. Люди, конечно, засуетились. Каждый лопух обошли кругом трижды. Сто тысяч – большие деньги. Весь район превратился в следопытов. Вдруг что и найдётся?

Нашлось в другой деревне, Лопатках. В отдаленной посадке обнаружили полузакопанный труп пятиклассницы, пропавшей весной, но утверждать, что здесь прямая связь с исчезновением Кольки, милиция не бралась. Некипелов же расспрашивал Таню насчет тёмного облачка. Таня сказала, что несколько раз днем видела, как облачко выползло из оврага, а один раз проглотило курчонка. Она думает, что это дыхание дракона, спящего под землей. С тех пор она там не гуляет. Боится. Нет, облако не чёрное, а гораздо темнее. С корову, только без ног.

Некипелов девочке поверил. Во время работы в «ящике» всякого насмотрелся.

Дыру он обследовал с помощью зонда-телекамеры, что используют спасатели – он и одолжил её у приятеля из МЧС. Ход, не более вершка шириной, шёл сначала вертикально вниз, а через три метра поворачивался под углом в сорок пять градусов к югу. Дна зонд, а был он восьмиметровый, не достиг. Собрав снаряжение, Некипелов вернулся в деревеньку. У Дорониных купил петушка, принёс назад в овраг, привязал за лапку к колышку и стал ждать.

К полудню петушок забился, захлопал крыльями, пытаясь сорваться с привязи. Воздух над дырою слегка дрожал, это часто бывает в жару, но в прибор ночного видения ясно различалось облачко, похожее на амёбу. То одну ножку выпустит, то другую. Поднявшись над дырою,

оно поползло в сторону несчастного петушка. Секунда, другая, и петушок оцепенел. Оцепенел – и стал исчезать прямо на глазах!

Некипелов выстрелил дуплетом. Серебряная дробь завязла в пустоте, ни одна дробинка не пролетела сквозь невидимую цель.

Словно вздохнул дракон – низко, тяжело, волна смрада прокатилась по оврагу. В прибор видно было, как облако ползло к дыре – рывками, теряя горячие, яркие капли. Некипелов перезарядил ружье, но облако успело скользнуть в дыру. Когда он подбежал к ней, намереваясь выстрелить вслед, да было поздно. Дыра сомкнулась, словно и не было её никогда.

У колышка объявился петушок – мертвый, опаленный, местами обугленный. От него до места исчезновения облачка Некипелов подобрал две дюжины шариков, очень напоминавших обсидиан.

Ни Кольки, ни пастуха отыскать так и не удалось.

В соседнем районе с поличным был задержан маньяк, но на время ветрячковых исчезновений у него оказалось неопровержимое алиби.

Дыра в овраге пока не появлялась.

Некипелов теперь владеет самым крупным универмагом. Часть денег от прибыли отдает физической лаборатории политехнического института, занимающегося разработкой мощных инфракрасных лазеров. Говорят, что два-три дня в неделю он и сам работает в лаборатории. По выходным Некипелов вместе со студентами порой выезжает в Дивногорье, где в глубине пещер испытывает прототипы тепловых бурильных установок, или «чёрных пушек», как их зовут лаборанты...

– Ничего рассказ. На правду похожий. А насчет дядьки с татуировкой и просто правда, помнишь, нам в школе про него говорили, предупреждали, – высказался первым Санька.

– Остальное тоже может быть правдой. Ветрячки в соседнем районе, вот бы спросить, пропал там кто или нет, – ответил охрипшим от рассказа голосом Пирог.

– Как спросишь? Он и соседний, а как локоток, не укусишь. Был бы Интернет, как по телевизору показывают, то со всем миром можно связь держать, а не только с Ветрячками.

– До звёзд, поди, никакой Интернет не докричится...

– Хороший рассказ, – отозвался, наконец, и Корнейка.

– Напечатанный. Плохих в моем журнале не печатают, но называть журнал Пирог не захотел. Поди, отец его сочинил. Отец у Пирого даже повесть написал, продолжение «Трех поросят». Правда, книга пока не вышла, обещали к зиме.

Солнце у горизонта сплющилось, пригасло, налилось соком, будто малина, потом горизонт не выдержал и просел, пропуская светило.

Долгие летние сумерки напоздали нехотя, из одолжения. Июнь. В Заполярье и вовсе светло, солнце не заходит. Санька помнил, как, прочитав книжку «Два капитана», даже во сне видел снега, торосы, полярное сияние. Потом уже по телевизору показали, как сейчас живут в Заполярье. Не в том дело, что хуже описанного в книге, плохо другое – у людей глаза стали тусклые. Ходят, говорят, на жизнь жалуются, что-то делают, а все будто куклы большие. И отчего-то расхотелось летать над Ледовитым океаном. Если никому не нужно – зачем?

– Пора расходиться, – Пирог вытащил из кармана штанов часы. Не карманные, наручные, просто половинка ремешка оторвалась раз и навсегда. – Девять тридцать шесть. Давайте, я Джоя отведу, Малков, небось, заждался. Мне по пути.

– Пусть с нами побудет. А Малкову не до Джоя сейчас. Думу думает. Да ничего с его хозяйством не случится, я утром заклятие наложил от воров, недельное, – ответил Пирог Корнейка.

– Да у нас вообще... не воруют. Почти. Ну, там яблоки из сада разве...

– Тем более. Смотри, в овраг не угоди.

С Пирогом они расстались под фонарём. Фонарей на улице было много, но светил один, оттого и говорили – увидимся под фонарём, и все понимали. Дальше улица была тёмной. Не совсем – в каждом окошке горел свет. Хорошо. А то отключат линию, и ходи на ощупь.

Свет горел и у них в доме, и в окнах, и на веранде. Поздновато он, воспитывать станут.

Но родители, если и выглядели взволнованными, то никак не их поздней прогулкой. Рассеянно спросили про огород, много ль жуков, рассеянно приняли пакет, набитый грибами (Корнейка на крыльце достал из ниоткуда), рассеянно пожарили, рассеянно наложили на тарелки. И – продолжили разговор. Был он странным, оба, и мама, и отец, наперебой убеждали друг друга, что завод – это очень хорошо. Что отец так говорил, ничего удивительного, но вот мама...

– Школа не только сохранится – лучше прежнего будет. Компьютерный класс откроется, Интернет, связь с миром. А то дети наши растут, как при царе Горохе, с нашим образованием не в институт, а в пастухи прямая дорога.

– Медвежий угол без медведей, – поддержал и отец.

– В Чирках уже ремонтируют школу, да капитально, крышу перекрывают, а у нас закрыли сначала на год, а получается – навсегда.

– Строительство пойдет серьёзное, техника правильная, отсюда и заработки. А то хоть в Москву подавайся, – отец отчего-то Москву не любил, и подаваться в неё считал крайней степенью нужды.

– Молодёжи будет где работать, перестанут уезжать, – продолжала мама, – Сколько их отъезжало в город, да хорошо, если треть устроилось прилично. Вспомни Клиновых, кем Ольга-то стала? А была лучшей ученицей!

– Опять же не деньгами получим за пай, а акциями. Деньги что, в любую секунду изничтожат, в фантики превратят. Акция же – часть завода. Работает хорошо завод, хорошо и акционерам, дивиденд идет. Завод ведь не деноминируешь, – отец с трудом, но выговорил мудрое слово.

– Люди приедут новые, иностранцы, настоящему английскому подучимся!

– Язык, действительно... хорошо. Особенно ребятам. Ты как, Санька, хочешь на настоящем английском говорить?

– Отчего не поговорить, – ответил Санька. Какие-то они сегодня странные, родители. Вздурораженные, восторженные, но восторг немножко поддельный, химический, вроде чая, который привезла мама из области ещё прошлым летом. «Серый Граф» назывался чаёк по-английски.

– А ты, Корнейка, как насчет английского?

– Подучиться никогда нелишне. А что, дядя Егор, англичане будут завод строить?

– Англичане? Точно не знаю. Француз точно есть, Мишель де Рю. Да все равно, сейчас все на английском говорят, и шведы, и французы, и друг степей калмык.

– А он, Мишель, с вами тоже... по-английски?

– Нет, зачем? Он и по нашему умеет, смешно, правда: «дорогой русская други». Вообще-то говорил больше Серафимов, главный менеджер, из Чирков.

– Крепкий хозяйственник – вставила мама.

– Не отнимешь. Рассказал, как в Чирках дело идет. Хорошо идёт, есть чем хвалиться. Зарплату регулярно платят, и какую зарплату!

– Положим, деньги далеко не все, но есть и перспектива! – опять вставила мама.

– Есть, – не стал спорить отец. – И перспектива, и работа, и зарплата. Выбор простой – либо катиться назад, к сохе, либо присоединиться к современному миру.

– Ты, пап, прямо как депутат заговорил.

– Депутат, он порой и дельное сказать может. Ну ладно, молодёжь, вам уже спать давно пора.

Постелили им под навесом, во дворе. И жарко, лето все ж, да и собака рядом будет, пусть. Потихоньку вокруг стало тихо.

– Знаешь, Корнейка, иногда здесь, бывает, город слышно.

– Город?

– Район. Рамонь. Поезд, автомобили, иногда даже бой курантов. В Рамони куранты есть, ещё с дореволюционного времени. По прямой до Рамони тридцать верст будет. Дорогой, конечно, больше

Свет в дома погас. Не у них одних, во всей Норушке. Отключили таки. Зато звезды будут виднее. Санька глянул из-под навеса.

С юга, со стороны Чирков, напознала хмарь, небо перекопилось, тяжесть пригубала один край к земле, а другой взлетал все выше и выше.

Они долго лежали в тишине. Наверное, Корнейка уснул. День длинный, а он ещё ехал.

Вдруг издадека долетел звук. Нет, не паровозный гудок, скорее, вой. Волчий? Говорят, с Украины прибегают. Или собаки?

Джой зарычал – низко, зло.

Вой повторился.

– Слышишь? – на всякий случай прошептал Санька.

– Слышу, – ответил Корнейка.

– Собаки? – неуверенно спросил Санька.

– Нет.

– А кто?

Корнейка немного помолчал, потом ответил нехотя.

– Это вурдалаки. Но они далеко...

Сколь потом Санька не вслушивался в беспроглядную тьму, ничего больше не выслушал.

4

Петухи кричали звонко, солнце светило ярко, хмарь исчезла, и с нею исчезли ночные страхи. Пошутил Корнейка. Какие могут быть вурдалаки, когда кругом день?

Санька умылся. Вода в умывальнике за ночь посвежела, что роса. Через неё бодрость в организме просыпается, руки-ноги сами движения ищут.

Корнейка встал раньше и делал зарядку. Обыкновенная зарядка, ноги на ширину плеч, руки в стороны, наклоны, развороты, прыжки, приседания. Он и сам такую делал месяца три, потом надоело. Если бы особенную, японскую или китайскую, тогда...

Корнейка подошел к перекладине, отец в прошлом году поставил, но занимался ещё меньше, чем Санька. Некогда. Да и ни к чему. Это для бухгалтеров необходимо, для библиотекарей, рабочий человек за день и напружается, и напрыгается, и набегаются. И ещё молодому организму полезно. Санька не возражал, полезно. Нужно возобновить.

Пока Корнейка подтягивался, Санька приседал. Корнейка раз, и он раз. Поровну. Ничья со счетом пятнадцать – сорок. Терпимо. В Чирках парень есть, Витька Лисауков, тот пятьдесят раз подтянуться может. Очень сильный.

Всё, хватит. Завтра он чуть раньше проснется, и будет заряжаться наравне с Корнейкой. Или почти наравне. Постепенность нужна в нагрузке, в книжечке написано, «Физическая культура для всех».

После того, как выпили по стакану молока (парного, мама с соседкой договорилась, своей коровы у них не было), подошёл и Пирог.

– Мам, мы в Буденовский лес пойдем, – предупредил Санька.

– К обеду возвращайтесь!

Поблизости от деревни было два леса – Буденовский и Ракитный. Ракитный не потому, что там ракиты росли, просто когда-то он барину принадлежал, генералу Ракитному. А Буденовский прежде, до Буденного, звался Шишовским. Вчера они не решили, в какой лес идти, и Буденовский выговорился сам собою.

Наверное, причиной было то, что Ракитный лежал к югу от Лисьей Норушки. Именно оттуда и слышен был ночью зловещий вой. Ночью всё зловещее. Половица скрипнет, или кошка Мурка глазами сверкнет – не по себе даже дома. А уж в парке – в каждом кусте страшилище мерещится. А днем ничего, днем не страшно, но всё-таки идти в ракитный лес не хотелось.

До Буденовского леса было восемь километров. Два часа ходьбы бодрым шагом. Сбоку трусил Джой. Джой, пожалуй, и волка загрызет. Или даже двух.

– Мои вчера весь вечер радовались, как хорошо будет Норушке, если цеха у нас построят. И зарплаты, и газ проведут, и пятое, и десятое, – рассказывал Пирог.

– И у нас то же самое, и по всей деревне, наверное. Плохо, да? – повернулся Санька к Корнейке.

– В том, что люди хотят хорошо жить, плохого нет.

– А завод? Мы-то думали, он вредный! И в телевизоре...

– Завод сам по себе не вредный, не полезный.

– В людях дело?

– В людях, конечно, тоже.

– А в ком ещё?

– Есть на свете, вернее, во тьме и нелюди.

– Вурдалаки, да? – сейчас, в залитом солнце полях говорить о вурдалаках было совсем не страшно.

– Вурдалаки – это потом. Следствие.

– А причина?

- Не знаю.
- Не знаешь?
- Нет. Стараюсь узнать.

Санька вздохнул украдкой. Узнаешь что-нибудь в Буденовском лесу, как же. Трата времени. Нет, чтобы пойти в Чирки, в контору и сказать неведомым злодеям: «Ваша песенка спета, господу вурдалаки! Руки вверх!»

Словно услышав его мысли, Корнейка сказал:

– Хорошо бы, конечно, побрызгать на чирковских злодеев волшебным эликсиром и превратить всех в добрых волшебников, или, на худой конец, в статуи, да только они отбрызгиваться начнут. И со злодеями туманно. Эликсир статуиный штука в природе редкая, направоналево плеснёшь, он и вышел весь. Где новый брать?

– Кто строит завод, тот и злодей, – высказал предположение Пирог.

– Скоро вся Норушка землю заводу отдаст, каждый акционерам станет, их тоже – в статуи? Этак у нас вся страна станет Страною Статуй.

– Так что же делать будем?

– Траву искать, чтобы вылечить зуб. Рекогносцировка на местности. Масло масляное.

– Причем тут масло, Корнейка?

– А... извини, брат Александр, я просто... Рекогносцировка и есть разведка на местности, проводимая командиром или штабными офицерами перед началом боевых действий.

– Получается, мы – штабные офицеры?

– И штабные, и боевые.

– Другое дело, – с удовлетворением сказал Пирог.

Боевой офицер, это звучит гордо. И идут они в лес на разведку, а поиск трав – прикрытие. Полезное прикрытие, особенно для Пирого. Да и самому неплохо травки пожевать. Для профилактики. А то часто снится, будто зубы выпадают, то один, а то пять разом.

Лес надвигался быстро. То синел вдаль, а то – вот она, опушка.

В лесу прохладно, и дух совсем другой, не полевой. В поле скакать хочется на резвом коне, а в лесу – идти крадучись, неслышно. Если ломить, не разбирая дорогу, никогда ничего не увидишь, ни ягоды, ни белки, да и себя потерять недолго. Поле для воина, лес для охотника. Следопыта.

Шли они, как настоящие разведчики. Даже сучки под ногами почти не трещали. И лес сегодня большой, бескрайний, и вместе с тем близкий.

Настроение такое.

Не успели дойти до Земляничной поляны, как Корнейка отыскал под кустом травку. Очень на одуванчик похожа. А корешок – будто луковичка маленькая, с вишенку.

– Вот тебе, друг Петр, средство от дырки в зубе. Дома луковку очистишь, разрежешь острым ножиком на тридцать частей, высушишь в тени, и по кусочку через день на ночь под язык класть будешь. Через два месяца станет зуб здоровее прежнего. Только учти, травка эта действует один раз, потому впрямь зубы чистить нужно.

– Какой пастой? – деловито спросил Пирог, пряча луковичку.

– Зубной.

– Я понимаю, что не томатной. Их сто сортов, зубной пасты.

– Да какая нравится! Сто сортов для сотни ртов! И конфет поменьше.

– Куда уж меньше... Последний раз первого мая...

– А мне такую луковичку можно? На всякий случай, для профилактики? – спросил Санька.

– Для профилактики и обыкновенный лук сгодится. С огорода. Стоп. Что-то нас того... Заносит.

– Куда заносит?

– Заносит нас, друг мой Петр, в санпросветработу. Просто магико-популярная лекция получается, «О здоровых зубах и путях к приобретению оных».

Пирог почесал макушку.

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то нас отвлекает, сбивает с толка?

– Думаю, не специально нас. Всех. Паразиты сознания лезут в мозги и отвлекают от главного на пустяки.

– Паразиты? Червяки? – не на шутку испугался Санька. Представил, как почти невидимый, стекловидный червь забирается в мозг и сидит там, свернувшись.

– Это условное название. Все, что сбивает с толку условно можно определить, как паразита сознания. Человеку нужно думать о собственной судьбе – он беспокоится о тяжелой доле любимой футбольной команды. Следует починить дом – изучает эсперанто. Завтра контрольная по математике – самое время навести порядок в альбоме для марок. И так далее.

– И что, этих паразитов насылают вурдалаки? То есть не вурдалаки, а злая магическая сила?

– Считают, что это стихия, сродни засухе. Но злая магическая сила умело ею пользуется. А мы охотно поддаемся паразитам сознания.

– Так уж и охотно, – не согласился Пирог.

– Друг мой Петр, прикинь, какие телевизионные передачи помогают человеку, а какие существуют только для отвлечения?

– Для развлечения. Нельзя же все время работать и работать.

– Ещё как можно! Но, положим, человек работал, устал, но вместо того, чтобы показать ему, как можно работать эффективнее, объяснить, что нужно делать, его погружают в мир дураков. Вот радости-то уставшему, – Корнейка оборвал себя, обхватил голову руками.

– Что, болит? – всполошился Санька.

– Нет. Давай помолчим минутку. Я ведь отчего в разглагольствование пустился – от паразитов сознания, – он заткнул себе рот рукой. Потом встал, поманил рукой, пошли, мол.

Санька с Пирогом и пошли. Лично он, Санька, никаких паразитов не чувствовал. Хотя, правда, раньше бывало – найдет вдруг полоса, и то змеев воздушных все запускают, то тарантулов ловят, то в ножички играют, а то просто часами болтают ни о чем. На каждое сознание свой паразит. На маленькое – маленький, на большое – большой.

Он оглянулся.

– Куда это мы зашли?

Пирог тоже смотрел недоуменно. Здравсьте. Весь лес, они, конечно, не знают, но ведь шли в глубь всего-то минут десять, ну, пятнадцать. Земляничная поляна по правую руку, ореховый островок впереди, а здесь... что же здесь? Ерунда, неприметчина, ничто.

– Они, они, паразиты сознания. Завели в лабиринты смерти и бросили, не иначе! – место Пирогу нравилось, про лабиринты он больше для смеха сказал.

– В старину говорили – леший водит, а это были паразиты, – поддержал Пирого и Санька. Ничего, паниковать не нужно. Шли они от опушки вглубь направление известно, ориентироваться в лесу они могут, следовательно, назад дорогу найдут.

– Наоборот, – прервал молчание Корнейка. – Мы освободились, пусть на время, от паразитов, и увидели то, мимо чего обыкновенно проходили.

– А что мы, собственно, увидели? Лес, он лес и есть!

Не отвечая, Корнейка сделал ещё несколько шагов.

За деревьями показался домик. Не новый, который богачи строят, а настоящий старинный домик. Что старинный, было видно и по крыше, такой черепицы нигде не сыщешь, и по кованым дверям, да и ели вокруг росли высокие, как сквозь них проедешь, кирпич провезешь? Трава высокая, непрямая.

Джой шёл, как ни в чем не бывало. Не чувствует опасности, наверное, её и нет. Просто старинный заброшенный дом.

– Вокруг поле наведенное было, из паразитов сознания. Крепкое поле, могучий маг ставил.

– Корнейка, ты хочешь сказать, что люди ходили мимо и не видели этого дома?

– Не ходили, брат Александр, а обходили. Отводили глаза. Поставить защиту на минуту – дело нехитрое, на часок посложнее, а тут лет сто прошло, чуть поменьше.

– Значит, внутри никого нет?

– А вот зайдем, увидим.

– Зайдем? – усомнился Санька. Окна закрыты ставнями, дверь, хоть и столетняя, а стоит крепче новой.

– Конечно. Если ключ оставили под крыльцом, значит, ждали, что кто-нибудь им воспользуется.

– А если взломают дверь? Или окна?

– Ой, не завидую я тем, кто попытается вломиться в этот дом, друг мой Петр, – Корнейка наклонился, запустил руку под ступень и действительно вытащил ключ. Не очень-то и большой ключ, гаражные больше бывают.

Замочная скважина была прикрыта железной навеской. Санька попытался её откинуть, не удалось.

– Заржавела?

– Тяжелое железо не ржавеет. Заговорена, нас прощупывает. С добром идем, или нет – Корнейка ждал недолго, секунд пятнадцать.

Замок открылся на удивление тихо, почти бесшумно. И дверь не скрипела, будто вчера смазали.

– Постой, – сказал Пирог. – Уж больно все выглядит подозрительно. Вдруг засада?

– Очень уместное предположение, друг мой Петр. Честно говоря, не похоже. Но не войдешь – не узнаешь наверное, – Корнейка шагнул внутрь. За ним – Джой.

Санька переглянулся с Пирогом. Ничего не поделаешь, придется идти.

Внутри было и тихо, и чисто, словно музей, а не заброшенный домик. Полутемный коридор, обшитый дубовыми панелями, свет падал из маленьких круглых зарешеченных окошек, что шли поверху. А высоко, метра четыре, четыре с половиной. И широк коридор, иные комнаты уже бывают. Попадались картины, всё больше из старинной жизни – охотники на лошадях, пешком, на привале, охотники с ружьями, арбалетами, соколами, своры борзых летели над полями, смычки гончих преследовали дичь. Хорошие картины. Будто окна в другую жизнь.

Коридор вывел в зал. Даже удивительно, снаружи дом не слишком и велик, а зал большой, хоть в волейбол играй.

Но в нем играли в иные игры – на стенах развешены ружья, самые разные, от старинных ручниц до – на вид – вполне современных. Всё сверкает, словно вчера прилежный слуги отчистили и отполировали каждое ружьецо.

Рядом стояли и шкафы, высокие, большие, сквозь темное стекло виднелись корешки книг. В каждый шкаф, поди, войдет деревенская библиотека. И ещё место останется.

Окна красивые, в картинках, сложенных из разноцветного стекла. Витражи: вот зверье, олени, волки, зайцы, лисы окружают охотника, вот они вяжут его, а заодно и собаку, вот они тащат пленников на суд, обезьяна, скалясь, привязывает к суку веревку с петлей. Тень листвы шевелилась от ветра, и картинка словно двигалась. Не соскучишься.

Кресла массивные, в одно кресло можно втроем поместиться. Но не хочется. Кто сидел на моем стуле? Кто ел из моей миски?

Поверху, голову пришлось задирать, из стен выглядывали головы, трофеи. Но что это были за трофеи! Львы громадные, такому человека проглотить, что Джой курчонка. Тигр с

клыками, каждый из которых – штык. Саблезубый! А то, что поначалу Санька принял за шкаф, оказалось головой дракона или ящера, динозавра. У него была книга о ящерах, новая, мама подарила к летним каникулам. Тарбозавры, тираннозавры, бронтозавры, но ничего похожего на этого не было. В кино таких тоже не показывают, и правильно делают – недолго и заикой стать. Выходят зрители с сеанса, и через одного за-за-заикаются. Нехорошо.

Подбадривая себя подобными шутейными мыслями, Санька вместе со всеми медленно кружил по залу, от трофея к трофею.

– Это что же за охотник тут жил? – нарушил тишину Пирог.

– Удачливый, – ответил Санька. – Собрать подобную коллекцию дано не каждому.

– Но удача однажды ему изменила, – подхватил Корнейка. – Однажды хозяин домика вышел на охоту, но не вернулся.

– Попасть на зуб любому из этих хищников...

– Этим хищникам на зуб он не попался, друг мой Петр. Обрати внимание, каждый представлен в единственном числе. Похоже, наш хозяин не любил дважды охотиться на одну и ту же дичь.

– Интересно... Если он одолел эдакого страхозавра, – Санька кивнул на голову-шкаф, – кто мог одолеть охотника?

– Ты попал в самую суть, – согласился Корнейка.

– А мне интересно, где он находил всех этих зубастиков, – Пирог подошел к страхозавру вплотную. Да, в пасть он мог войти, не наклоняя головы.

– Где-нибудь неподалеку.

– Здесь? В нашем лесу?

– Здесь. Но не сейчас.

– Сто лет назад в Буденовском лесу водились саблезубые тигры?

– Сто лет назад не водились, а сто миллионов очень даже водились, – Корнейка рассеянно провел пальцем по зубу шкафovidного страхозавра (а что? Вполне научное название). Ни пылинки!

– Машина времени? Здесь жил Путешественник во времени?

– Ты прав, друг мой Петр. Путешественник-охотник – помимо всего прочего, – Корнейка подошел к шкафу настоящему, раскрыл створку. Санька стал рядом.

– Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Если ты, конечно, сам этого не знаешь, – пробормотал Корнейка.

Книги все до одной в кожаных переплетах, тяжеленькие, не клееные рассыпайки, что привозят в киоск из города. Он вытащил одну, раскрыл, вздохнул.

– Ну, и кто? – спросил Санька.

Корнейка протянул книгу.

Все страницы, от первой до последней, сверкали белизной. Это так, для красного словца – сверкали. Не сверкали, и даже белизны не было, цвет бумаги, скорее, отдавал желтизной. Но нигде не единой буквочки!

Санька вытащил другую книгу, третью, пятую. Везде то же самое.

– Я такие видел, – прокомментировал Пирог. – В канцтоварах продаются. Правда, страницы разлинованные.

– Это другое, – Корнейка аккуратно поставил книги на место.

– Черная магия?

– Белая, как страницы. Старинное изобретение. Книгу может прочитать только хозяин.

Защита интеллектуальной собственности, понимаешь.

– И ты ничего не можешь сделать?

– Не могу.

– Такое сильное заклятие?

– Нравственный императив не позволяет.

– А обойти его, этот... императив?

– Очень это непросто – обходить нравственный императив. Дорого. Теряешь куда больше, чем получаешь. Был маг, да весь вышел, остался колдунишка-хвастунишка.

– Интересно, это теперь чье? Дом, оружие, книги? Кому принадлежат? – Пирога интересовали вещи практические. И то – одно ружье дорогого стоит, а их здесь дюжины. Взять бы да пострелять... Хотя бы по мишеням.

– Государству, наверное, – сказал Санька.

– А нам тогда четверть, как нашедшим, – Пирог огляделся. – Тут и четверть такая, что мало не покажется.

– Ох, сомневаюсь я, что нам достанется от государства четверть. Помнишь, в позапрошлом году Сидорчук случайно клад выкопал в Каменной степи? Золота чуть не пуд. Старинного. Тому свидетели были, пришлось отдать государству, иначе, говорит, зарезали бы просто. Так до сих пор ни копейки не получил.

– Зато не зарезали, – Пирог, похоже, уже воображал себя лордом Рокстоном, и посадка головы стала горделивей, и взгляд орлиный, и голос мужественнее, суровой.

– Спор ваш, друзья мои, беспредметен. Во-первых, государственному чиновнику сюда никак не попасть. А во-вторых, нет никаких свидетельств того, что домик бесхозен, напротив, порядок, что мы видим, указывает на то, что магическое поле получает постоянную подпитку, и, следовательно, Путешественник жив.

– Сто лет? Люди столько не живут! – убежденно сказал Пирог. Сказал и вздрогнул:– получается, хозяин дома нелюдь, вурдалак?

– Если не мешать, живут. Живут и дольше. А если Путешественник угодил в кокон Чёрного Богомола, он может прожить и десять тысяч лет. Хотя какая это жизнь...

Ни Санька, ни Пирог уточнять, что за зверь такой Чёрный Богомол, не стали. Лучше не знать. Спокойнее.

– Получается, мы незваные гости?

– Мы, брат Александр, путники в дремучем лесу. Неподалеку кто-то воет тоскливо, красные огоньки вспыхивают то там, то сям в ночной мгле, а вдалеке слышится неясный шум, будто деревья падают одно за другим под напором тупой, неумолимой силы, и вы точно знаете, что сила эта по вашу душу. И вдруг перед вами охотничья заимка. Хозяин отлучился, но он помнит о нуждающихся в крове, и потому ключ кладет под крылечко. От путников, само собой подразумевается, пакостей не ждут.

– А ну как придут – пакостники? У нас один городской домик купил, под дачу, за зиму даже гвозди из стен повыдергивали, все растащили.

– Друг Петр, пакостникам ключ в руки не дастся. Да и этот, – Корнейка показал на шкафовидного страховозвра, – тут не только для красоты стоит.

– Ты думаешь...

– У него язык, что у хамелеона. Как муху проглотит.

– Она что, живая – голова?

– Тут, друг мой, все головы живые. Иначе в прошлом охотиться и нельзя, Эффект Брэдбэри не позволяет убивать. А поместить темпоральную копию – самое милое дело. Поместить, а на досуге и укротить.

– Ути-ути-ути – дурашливо поманил Пирог страховозвра.

Джой зарычал, шагнул вперед.

– Знаешь, с этой добычей лучше не шутить, – Санька пожегил. – Мне показалось, будто зрачок у него дрогнул, у хамелеончика. Сейчас пасть-то и раскроет...

– Темпоральный барьер так запросто не раскрывается, а там кто знает, – то ли ободрил, то ли предостерег Корнейка.

Они отошли подальше, к центру зала.

Вверху на цепях висела люстра. Что за люстра – в Большой театр годится. И высоко как, высоко.

– Он словно растет, домик охотничий. Не домик а просто Дворец Съездов из энциклопедии.

– Растет, – согласился Корнейка. – Вернее, раскрывается. Чует добрых людей.

– Ну, хорошо, положим, мы хорошие люди. Положим, что домик этот – прибежище усталых путников. Заманчиво, конечно, иметь тайное прибежище. Играть в каких-нибудь тимуровцев со штабом, или рыцарей. Но если не играть, а жить взаправду, что мы тут будем делать?

– Очень бы хотелось, чтобы – ничего, друг мой Петр. Чтобы мы просто посмотрели на диковинных зверей, полюбовались ружьями, да хоть бы и в тимуровцев поиграли, или в Орден Рыцарей Леса. Но может случиться и так, что придется бежать сюда, вместе или поодиночке, чувствуя за спиною дыхание зверя. Спасаться. И тогда как знать, вдруг и ружье, что висит на стене, возьмет да и выстрелит.

– Ружья сами не стреляют. Потренироваться бы. На всякий случай, – Пирог с надеждою смотрел на увешанную оружием стену. – А то прибежим, и что?

– Потренируемся, друг мой Петр. Непременно потренируемся. Пойдем, посмотрим, что здесь ещё для нас открыто, в домике.

Они вернулись в коридор.

Похоже, домик распустился всерьез – конец коридора терялся где-то вдали. Но и шли они по нему, словно в семимильных сапогах. Стометровку непременно в коридоре бегать нужно, к рекордам ближе.

Корнейка мимо одной двери прошел, не задумываясь, у другой задумался, но тоже прошел, а третью открыл.

Ещё один коридорчик, теперь нарочито небольшой, взрослому, поди, и не выпрямиться в рост. Дверь справа, дверь слева, и массивная, окованная дверь впереди.

Корнейка её и выбрал.

Отодвинул один засов, другой, заперто на совесть. Выглянул в приоткрытую щель, и лишь потом распахнул дверь настежь.

– Добро пожаловать на Поле Стрельцов!

5

– А где лес? – спросил Пирог.

Леса не было. С крыльца, высокого, каменного, видно было далеко-далеко. И до самого горизонта – степь. Не родная, донская. Чужая степь. Трава желтая, а ещё – хвощи, но какие хвощи – с березку, так и тянутся к небу. И само небо иное – зеленое. Не совсем зеленое, так... Цвета морской волны. Море Санька видел лишь на картинках, да ещё по телевизору. Телевизор черно-белый, поди, разбери, какая она, морская волна.

Тучка отошла в сторону, и он увидел солнце – оранжевое, вдвое больше прежнего. Или – земного?

– Лес... Что лес... Солнце какое, видишь? – Санька хотел сказать громко, а получилось шепотом, и то – едва-едва.

– Не наше солнце, – тоже шепотом ответил Пирог. – Куда это мы попали?

– На Поле Стрельцов, – Корнейка говорил голосом обычным. Ещё бы. Они, маги, поди, привычны и к другому солнцу, и к другой траве. – Так называют один из ближайших миров.

– Параллельных? – Пирог обрадовался. Он много книжек и журналов читает, все больше фантастических, и всяких слов выучил во множестве.

– Скорее, смежных, – ответил Корнейка.

– Смежных, ага... А где Стрельцы?

– Стрельцов пока нет. Есть мы.

– То есть – мы можем стать Стрельцами?

– Мы должны, – Корнейка говорил просто, буднично, как говорят «мы должны решить задачу».

– А из чего станем стрелять? Вернемся за ружьями?

Повеял ветер, густой, дурманный. Вдохни поглубже – и голова закружится с непривычки. Чужой запах. Не то, чтобы плохой, просто сразу не разберешь.

Принюхаться нужно. Санька вспомнил сказку, где на маковом поле засыпал всяк, и конный, и пеший, и даже лев.

Но здесь маков нет. Вообще цветов нет, ни ромашек, ни васильков, никаких.

– Ружья никуда не денутся, да и не в ружьях дело, – наконец, сказал Корнейка.

– Не в ружьях? – Пирог прикинулся удивленным.

– Чем отличается Стрелец от обыкновенного человека, разве ружьём? Ружьё каждый может взять.

– Так уж и каждый, – Пирог, похоже, очень хотел пострелять из настоящего ружья. Подумал и добавил. – Меткостью отличается, разве нет?

– Меткость – требование обязательное, но не единственное.

– Ты не мучай, а скажи прямо, – потребовал Пирог.

– Стрелец должен уметь выбирать цель, – вдруг выпалил Санька пришедшую в голову мысль.

– Верно. Что толку метко лупить по воробьям, когда к тебе ползет змея? Или подлетает пиявица?

– Кто-кто?

– Да водятся такие... летучие, – и Корнейка посмотрел вверх. За ним и Санька с Пирогом, и даже Джой задрал свою кудлатую голову.

В небе пиявиц не было. И птиц не было, и драконов – Санька уже был готов увидеть настоящего дракона. Или, по меньшей мере, летающего ящера. Но в вышине мельтешили искорки – то вспыхнут, то погаснут.

– Это люсиды, – предупреждая вопрос, сказал Корнейка. – Небесные бриллиантики.

– Понятно, – протянул Пирог. – Бриллиантики. С неба упадут.

– Почти так. Да мы их сейчас и на земле увидим, – и Корнейка шагнул на лестницу.

Спустились не спеша.

Прямо от крыльца среди травы лежала дорожка, узкая, едва ли в шаг шириной.

– С дорожки без нужды не сходите, – предупредил Корнейка.

– Съедят?

– Днем нет, днем здесь безопасно. Разве понадкусают немножко, если в воронку угодить!

Что за воронка? Кто в ней кусается? Санька хотел спросить, да передумал, промолчал.

Сами увидят, а нет – и не нужно.

– Пойдем, пожалуйста.

Они и пошли. Первым, конечно, Корнейка, Пирог за Корнейкой. а за ними и Санька с Джоем. Или наоборот, Джой с Санькой, как посмотреть.

Дорожка с виду стеклянная, оказалась не хрупкой, не скользкой, ноги шли уверенно, прочно.

Санька наклонился, вглядываясь. Ну, чисто стекло.

– Огневушка прокатилась, ее след, – не оборачиваясь, сказал Корнейка.

Санька тут же представил огненный, нестерпимого жара, шар, катящийся по степи и оставляющий за собой спекшуюся землю. Но почему не тронута трава? Да сто лет прошло, новая выросла.

Или тысяча?

– Зимой катила, с той поры новая выросла, – продолжал пояснять Корнейка.

Зимой! По крайней мере, здесь бывает зима.

Трава высокая, по пояс, даже выше. Он протянул руку, сорвал травинку. Получилось – обломил, больно хрупка. Хрупка, мясиста. Излом почти круглый, и из него закапал сок, густой, белесый. Ещё обожжет. «Свожу бородавки раз и навсегда вместе с пальцами». Санька отбросил травинку, вытер ладони о штаны. Полно, трава ли это? Хвощ, или ещё какой тип. Водоросль сухопутная, гриб, кактус? Мир растений Санька знал нетвердо. Будет время, подучит. Только вряд ли земная ботаника здесь годится.

Они отошли от крыльца шагов на пятьдесят, когда Корнейка остановился.

Справа в траве была плешь – с волейбольную площадку, будто кто-то постриг траву коротко-коротко и ровнехонько, на пядь от земли.

А у дальнего края плещи стояли кусты, высокие, почти голые, как орешник зимой.

К ним и пошел Корнейка, сначала рукой указав – не спешите, стойте. Но, дойдя, обернулся и позвал, давайте, мол, ко мне.

Джой и потрусил, не переставая принюхиваться и к траве, и к воздуху поверху. Скалился недобро.

За Джоем уж и Санька с Пирогом. У Джоя-то четыре ноги, не утонишься. Особенно, если не гнаться.

Куст вблизи выглядел столь же чужим, как и трава. Ветки толстые и гладкие. Листья-котлетки сидели прямо на ветках, никаких тебе черешков. Ветки были усеяны ещё и коробочками. Коробочки напоминали маковые, но не круглые, а гранями, будто кристалл. Стенки розовые, у одних коробочек поплотнее, мутные, а у других тонкие, почти прозрачные.

Корнейка несильно потрянул ветку, и с полдюжины коробочек отпали от ветки. Отпали, но полетели не вниз, а вверх – медленно, неспешно.

– Это и есть люсиды, небесные бриллиантики. – пояснил Корнейка. – В коробочках метан. Газ. Легче воздуха. Там, в вышине, они плавают недели две-три, созревают под солнцем. Потом бах! Коробочка взрывается, и семена рассыпаются по всей земле. Из семян вырастает трава. Раз в пять-шесть лет травяной очаг выпускает куст, то забирает все соки очага – вот отчего трава здесь будто стриженная. Ну, а куст порождает бриллиантики-люсиды.

– Это, конечно, очень интересно, цикл жизни растений и прочее – вежливо ответил Пирог, – но я не понимаю, каким образом данные растения соотносятся со Стрелецкой подготовкой.

Выдал, как по писанному. Польза многочтения. Нахватался в книгах всяких ловких слов. Он и в школе, бывало, вставит: не соблаговолите ли вы, Варвара Петровна, потрудиться привести доказательство ложности предположений Нафферта о причинах трагической дуэли поручика Лермонтова с майором Мартыновым? «А не соблаговолит ли ты, Петруша, привести родителей в школу», – срезала его учительница литературы...

– Данные растения соотносятся с подготовкой Стрельца образом простым, – не хуже учительницы ответил Корнейка. – Вернемся на дорожку.

Они вернулись, делать нечего.

– Бриллиантики воспаряют с куста, – в подтверждении его слов ещё парочка люсидов отделились от ветки и поплыли вверх. Вверх и в бок – дул слабый, едва заметный ветерок. – А мы должны будем их на лету сбивать.

– Тогда понятно. Сбивать – отчего ж и не сбивать. Только из чего стрелять-то, если ружья в доме остались?

Они оглянулись на дом. Отсюда, с Поля Стрельцов, он был вдесятеро больше, чем оттуда, из леса. Не дом, но целый Замок. Обман зрения? Или он действительно разный – в разных мирах?

– Из ружей по бриллиантикам стрелять – это, знаешь, того... перебор – сказал Санька, представив, как туча дроби нулевого размера летит на беззащитные коробочки.

– Я и на рогатку согласен, только у меня и рогатки нет. Из пальца, что ли, стрелять?

– Именно, друг Пирог, именно. Из пальца вернее всего, – подтвердил Корнейка.

– Как это?

– А так! – Корнейка выбросил вперед руку с выставленным указательным пальцем – и тут же коробочка, уже поднявшаяся метров на двадцать, вспыхнула и послышался громкий хлопок.

Тишина вслед за хлопком показалась особенной, звенящей.

– Магия? – собравшись с духом, спросил Пирог.

– Нет. Обычная физиология.

– И я... я тоже так смогу?

– Конечно. Электрический угорь способен поразить ударом тока рыбу, и большую рыбу. Даже человека – наповал, если угорь матерый. А у нас – всего лишь люсид, наполненный гремучей смесью, метан плюс воздух. Достаточно мизерного, крохотного импульса, чтобы эта смесь воспламенилась.

– Я-то не угорь. У меня батареек нет, аккумуляторов.

– Человек – существо более развитое, чем угорь или там электрический сом. Способен на многое. Просто с детства под давлением. Не кричи! Не бегай! Не балуй!

– Не показывай пальцем, – тихонько добавил Санька.

– Именно. Ребенок по недомыслию может и стог сена поджечь, или крышу соломенную. Вот и укорачивали с незапамятных времен. Потом уж и причина забылась, выветрилась, а запрет остался.

– Точно! – воспламенился Пирог. – Дети, они такие... способные! Я не про выстрелы электрические, а вот, например, по деревьям лазить маленькому куда сподручнее, чем взрослому. Миха Нефедов до школы вон как здорово лазил, чистый обезьян, а родители его и ругали. И уши драли, и даже ремнем. Отучили. Той осенью он попробовал было на каштан залезть, потрясти, да с нижней ветки и сорвался, ногу сломал. Родители, конечно, в крик, мол, предупреждали тебя, дурака, учили-учили. А на самом деле – отучали, портили, в чем и преуспели.

– Ты к чему это Мишку вспомнил? – спросил Санька, провожая взглядом новый бриллиантик.

– К тому! – и Пирог выбросил руку с указательным пальцем.

Ничего не произошло.

– Видишь! Может, я раньше и мог что, не знаю, а теперь того... отсырел порох в пороховницах.

– Не отсырел, – успокоил Корнейка. – Просто ты забыл, как это делается. Вспомнишь. Вдохни носом и задержи дыхание. Досчитай до десяти. Представь, что ты берешь силу воздуха, энергию. Теперь медленно выдохни. Воздух вышел, а энергия осталась в тебе. Пока немного, чуть-чуть. Снова вдохни – и получишь новую порцию силы. Прибавь ее к прежней. Особенно глубоко не вдыхай, чуть глубже обычного – и довольно. И так – десять раз. Или пятнадцать. Сам почувствуешь, когда исполнишься силы.

Пирог послушно засопел.

Санька тоже.

И он действительно почувствовал, как в груди словно пружина стала закручиваться. С каждым вздохом пружина становилась туже и туже.

– А теперь освободи силу, дай ей волю, выпусти наружу!

Санька и Пирог одновременно выбросили руки – и коробочка, что висела в десяти шагах над кустом, вспыхнула, взорвалась.

– Получилось, – заорал Пирог, – получилось!

Санька кричать не стал, но тоже чувствовал: вышло! Пружина разжалась и некий – он не знал наверное, электрический или иной – заряд вырвался из груди, пробежал по руке и сорвался с указательного пальца. Попал в бриллиантик, нет, это уже другое дело. Главное, ему удалось накопить Силу и пустить ее в ход.

Пирог снова засопел.

– Ты погоди, погоди. С непривычки минут пять роздыху дай, – посоветовал Корнейка.

Санька же и сам решил передохнуть. Не такое это простое дело – молниями бросаться, пусть молнии и самые крохотные.

Немного отдохнув, он попробовал снова. Опять пружина в груди начала сжиматься, туже и туже, но, когда он достиг предела (сознавая, впрочем, что предел этот можно отодвинуть) люсид не взлетел.

– Теперь учишься сохранять в себе силу. Дыши спокойно, бери от воздуха самую малость, столько, сколько уходит в саморазряд, – не оставлял напутствием Корнейка.

Ага. Саморазряд. Понятно. Без подпитки пружина сама распрямится, нечувствительно. А брать силы больше, чем требуется – вызвать произвольный срыв, что не есть здорово.

Он держал себя взведенным до того мгновения, пока очередной люсид не поднялся в воздух – и продолжал крепиться дальше, потому что Пирог расстрелял бриллиантик прямо на взлете.

Взрывчик встряхнул ещё с полдюжины коробочек, Санька выбрал вторую слева.

– Огонь!

И небесный бриллиантик обернулся вспышкой света.

– В цель, – Санька вытер со лба неведомо откуда взявшийся пот. В прошлый раз сказать наверное, что попал, он не мог. То ли он, то ли Пирог, а, может, Корнейка подсобил, по доброте. Вселял уверенность в новичков. Но сейчас-то целей было несколько, а поражена – одна. Та, которую он выбрал. Значит, действительно, смог. Сумел. Научился.

– Здорово, – поддержал Пирог. – Быть может, поучимся все-таки стрелять из ружей?

– Если ты научился попадать в цель Силой, попадешь из чего угодно – ружья, рогатки. Снежок бросишь – снежком попадешь.

– Ага, как на велосипеде кататься. Научился на одном – научился на всех.

– Верно, – согласился с Санькой Корнейка.

Ещё один люсид оторвался от куста и полетел ввысь. Пирог проводил его взглядом, но даже не попытался сбить.

– Хорошо, – одобрил Корнейка. – Стрелец – не тот, кто умеет стрелять, а тот, кто научился не стрелять попусту. Тренировка – другое дело.

– Где ж в Норушке тренироваться? У нас люсиды не летают. По лампочкам?

– По лампочкам не стоит, у нас их и без того мало. Придумаете. Только не форсите напказ, не хвастайтесь.

– Почему? – Пирог, верно, хотелось блеснуть перед пацанами. А что, классно: бах, и сбил яблоко, шишку, жестянку пивную.

– Ну, во-первых, силы в Норушкинском воздухе будет поболее, чем в здешнем. Правда, это дело привычки, быстро приспособитесь, полной грудью черпать будете, не люсиды – камни крошить можно.

– Столько силы? – обрадовался Пирог.

– То-то и оно. Нельзя до срока раскрывать себя, свои возможности перед врагом, – пояснил Корнейка.

– Перед врагом? А кто – враг?

– Кабы знать... Сегодня он обычный, нормальный человек, а завтра...

– Это заразно, что ли?

– Заразно, – подтвердил невесело Корнейка. – Природа не терпит пустоты. И если человек пуст, то в нем обязательно что-то поселяется. Иногда добро, иногда зло. Злу легче, оно, как сорная трава, прорастает безо всякого труда. Потому – ухо остро, глаза раскрыты, а язык пусть отдыхает за всех.

– А как же Равиль, Наташа? Им-то рассказать можно?

– Им можно, они не пустые. Можно, но не нужно. Потом, когда они попадут сюда, на Поле Стрельцов. Вы их сами научите. А сейчас что зря болтать. Самый ловкий, самый быстрый, самый меткий может пропустить выстрел в спину. Нужно учиться не только стрелять, но и защищаться. Ментальная оборона, ментальный щит – это, скажу вам, штука нужная, – но распространяться, что за щит такой, не стал.

– Нам что, будут стрелять в спину? – Санька почувствовал, как засвербело меж лопаток.

– Уже стреляют.

– Конечно, стреляют. Комбинат, что в Чирках – это целый залп, – Пирог говорил убежденно, словно неделю над этим думал. Почему нет?

– Комбинат. Или то, что хотят построить под видом комбината.

– Ну да. Под видом. Волк в павлиньих перьях.

Санька представил себе этого волка в перьях. Волк встал. Замахал, захопал лапами-крыльями и взлетел на дерево. Забавно, даже смешно. Но тут Санька заметил, какие у волка злые глаза и какая огромная пасть – и смеяться расхотелось. Хорошо, что все это лишь фантазия, морок.

Наверное, схожие мысли были и у Пирога, потому что он вздохнул вместе с Санькой.

Следом вздохнул и Джой, но о чем подумал пес, представить Санька не брался. Вдруг ему просто домой хочется. Под родное голубое небо. А здесь не нравится. Вон как шерсть на загривке стоит. Да что на собаку валить, это ему, Саньку домой хочется. Здесь, конечно, здорово, оранжевое солнце, зеленое небо, люсиды сверкают в небесах, воздух наполнен силой, но... довольно для первого раза.

– Он, хоть и смежный, а все же чужой, мир этот, – сказал он вслух.

– Тогда давайте возвращаться.

Назад Джой шёл куда охотнее, чем сюда, но все равно замыкал путь, охранял тылы, и жарким дыханием подгонял остальных. Домой, домой!

На крыльцо они влетели – что твои люсиды. Прежде, чем зайти в дом, оглянулись.

– Славное место, сказал Пирог. – Только скучное, пустое. Коровам хорошо будет. Или дом престарелых устроить. Солнышко, тепло, покой.

– Пустое? – удивился Корнейка. – Тихое – да, сейчас, днем. Но не пустое. Вокруг нас кого только нет.

– Кого? – завертел головой Пирог. – Одна ботаника, травы, бриллиантики. Никакой зоологии не видать.

– Джой, похоже, думает иначе, – заметил Санька.

– Думать-то думает. Да ведь не скажет. Или здесь, как в стране Гудвина, звери говорящие? Джой, а Джой, скажи что-нибудь!

Пес внимательно посмотрел на Пирого, открыл было пасть, но тут же и закрыл. Не в настроении, или просто не умеет говорить.

– Здесь много всяких тварей, больших и малых, зубастых и шипастых. Сейчас они затаились, попрятались.

– Света боятся? – догадался Санька.

– Света тоже. А больше – Джоя.

Все опять посмотрели на собаку.

Пес продолжал молчать.

– Джой, конечно, собака могучая, но вдруг выскочит какой-нибудь саблезубый тигр...

– Видишь, ты заметил, – сказал Корнейка Пирогу.

– Заметил? Кого?

– Саблезубого тигра.

– Просто к слову пришлось...

– Кажется, что – просто. Ты увидел. Но не осознал. А он был здесь. Да и сейчас есть.

Прячется.

– Зачем прятаться, все-таки тигр не кошка. Или он карликовый?

– Саблезубые тигры размером с современного леопарда, семьдесят килограммов массы, мяса и костей. Просто Джой здесь. Джой – истребитель драконов, а уж с саблезубым тигром справится без сомнений.

Ужасно хотелось узнать, как это Джой справиться с тигром, но Санька опять решил не спрашивать. Ничего, как-нибудь сами скумекаем. Увидим. Лучше бы, конечно, не видеть. Это в кино схватки чудищ интересны, но видеть своими глазами что-то не хочется. Джой ведь не компьютерная проекция, не игрушка. А схватка на то и схватка, что по-разному кончиться может. Даже победителю случается получать раны, и какие раны. А к Джюю он привязался. Хорошая собака. Славная.

– Что это за Стрельцы, которые на бой вместо себя собак посылают, – сказал он вдруг.

– Да! – поддержал Пирог, положив руку на голову Джоя. – Стрельцы мыльных пузырей!

– Мыльные пузыри отнюдь не безобидны, – ответил Корнейка, но продолжать разговор не стал. Открыл дверь в дом и шагнул внутрь.

Пришлось идти за ним.

Какое солнце светила в витражи? Вдруг каждое окно открывается в отдельный, особенный мир?

Но – не разглядеть за разноцветными стекляшками.

Тут Санька понял, отчего пришла ему в голову эта мысль. Одни витражи просто горели от света и, главное, располагались они на противоположных сторонах зала. Как солнце может одновременно освещать северную и южную стороны? Другие же, опять независимо от стороны света, оставались темны, словно глядели в ночь.

А ставни снаружи закрыты на всех окнах.

Вот так-то...

Они прошли по Залу Трофеев.

Санька мог бы поклясться – если бы он вообще умел клясться – что морда главного страхозавра сейчас выглядела иначе: теперь она смотрела не прямо, а чуть вбок, и глаза ее, дотоле пустые, безразличные, смотрели живо, внимательно. Зрачки, вертикальные, кошачьи, прежде широкие, были сужены до тонких щелей.

Приглядывается...

Джой зарычал – но не страхозавра, а на тот угол, куда устремлен был взор чудовища.

По счастью, шли они другой стороной зала, но все равно Корнейка предостерегающе поднял руку: давайте, не задерживайтесь.

Так дошли они до самого входа-выхода и, открыв его, оказались в Буденновском лесу.

И это привычное, до былинки знакомое место выглядело теперь, после поля Стрельцов иначе: ярче, объемнее, и в воздухе прежде смутные, стертые запахи ощущались необыкновенно ясно.

– Да... – сказал Пирог. – Нюх теперь у меня просто собачий.

– А глаз орлиный, – прибавил Санька. – Я раз погреб чистил, увлекся. А вышел наружу – словно заново родился. Свет чуть не слепит, шум чуть не глушит. Сейчас похожее на то.

Корнейка согласно кивнул.

Джой же, словно щенок, начал бегать кругами по поляне перед домом. Поляна маленькая, то тут, то там кусты но Джой умудрялся обегать их, не задевая.

Вдруг он надал, да так, что и углядеть трудно.

– Радует, – сказал Корнейка.

Ещё бы. Санька сейчас чувствовал, что и он рад несказанно. А раз несказанно, то нечего и говорить.

Он и промолчал.

– Жаль только, что пройдет все, – сказал Пирог. – Привычка глаз застит.

– А ты не давайся. Вспоминай Поле Стрельцов – небо, траву, ветер, солнце. Представляй, что ты – там. По утрам, на минутку-другую.

– И что тогда?

– Попробуешь – узнаешь.

Джой, наконец, успокоился. Подбежал. Лизнул каждого по очереди – Корнейку, Саньку, Пирого.

Интересно – случайно, или выстроил по ранжиру? Корнейка его кормит, живет он у Саньки, а Пирого видит реже всех.

Но Пирог не обиделся. В порыве чувств он запустил пятерню в гриву Джоя и прижал его голову к своей груди. Джой только хвостом молотил. Такой молотьбой с ног сбить можно, не хуже подсечки.

– С возвращением, псина! – ещё недавно боявшийся, – как и Санька, конечно, – собаки, – Пирог сейчас чувствовал себя счастливым донельзя.

– Нам пора, – сказал Корнейка. – Место это тихое, скромное, потаенное. Таким и должно остаться.

Густой, нетоптаной травой, никаких тропинок, пошли они прочь, стараясь ступить так, чтобы и после них трава оставалась стоять; миновали густой кустарник, миновали деревья, за которыми дом и исчез, словно и не было его вовсе, один морок, и ничего больше.

Не морок, не морок! Все вокруг продолжало оставаться ярким и свежим, более того, Санька чувствовал, что мир вокруг только начал раскрываться. Сам он стал более чутким, более зорким, а, главное, более приметливым. Он чувствовал, что совершенно точно представляет местоположение каждого дерева, каждой ветки, каждой птицы – они уже вышли за пояс молчания, и лесная живность вокруг старалась изо всех сил, чтобы день прошел не зря. Выси-

живали птенцов, охотились, кому за кем сподручно, таились в норах, и даже деревья подавали сигналы, смутные, неясные, но несомненные.

Они шли молча, стараясь не растерять дар свежести. Ноги сами находили лучший путь – чтобы траву не мять, чтобы на сучки не наступать, чтобы в нору не угодить. Единство с природой. Как у индейцев до прихода бледнолицых. Или у диких животных по сю пору.

Вышли из лесу – трое, не считая собаки. У Санька, впрочем, была уверенность, что собаку нужно считать, если и не первым номером, то вторым точно.

Что их считать, номера. Само сочтется.

Небо над ними по-прежнему оставалось синим и бездонным, солнце – ярким и теплым. Где-то вдаль жужжала машина, и Санька понял, что не где-то, а на полпути между Норушкой и Чирками, у Кабаньего лога, значит, в шести километрах отсюда. И не просто машина, а старый «Пазик». Который шофер Дядя Степан называл гремучею коробчонкой, в которой царевна-лягушка к тестю ездила, на страх боярам.

Получается, слух, зрение – обострились? Или изменения произошли в сознании, в мозгах?

Нужно подумать. Подумать и проверить.

Они подошли к старой, давно заброшенной дороге, что вела в Захарьинку. В Захарьине уже лет пять никто не жил, провода со столбов чирковские жульманы снимали, алюминий, цветной металл (какой же цветной, если самый что ни на есть белый?), но сами столбы ещё держались, черные, некогда просмоленные на совесть, навсегда.

Не доходя шагов тридцати до ближайшего столба, Пирог остановился.

– Устал?

– Нет, какое. Просто... – он наклонился, поднял три комка земли и бросил их с силой один за другим в столб. Пах-пах-пах! Комья ударили в середину столба и разлетелись в пыль.

Санька и пробовать не стал, знал – получится. Промахнуться было столь же немислимо, как пронести ложку мимо рта. Более того, будь у него в руках не комья земли, а лук со стрелами, рогатка с подшипниковыми шариками или даже винтовка, результат был бы не хуже.

Как знать, может, и пригодиться новое умение в жизни...

6

Они совершили целое путешествие, да не куда-нибудь, в другой мир, но когда вернулись – солнце едва дошло до полудня. Вот тебе и математика, точнейшая из наук. Вышли в шесть утра, Шли туда три часа, оттуда столько же. Получаем тоже шесть. Шесть и шесть – двенадцать. Полдень. Когда они подходили к Лисьей Норушке, то слышали (из дома Куняевых, несомненно) сигналы точного времени. Дед Куняев любил включать свой приемник, старый, советский «ВЭФ», пока возился на огорожке возле дома. К чести его, включал негромко – и батареек надолго хватало, и со слухом у деда было в порядке. Получается, пребывание в охотничьем домике и на Поле Стрельцов заняло ноль часов ноль минут? Ладно, насчет минут возможна поправка. Мол, шли они не три часа ровно, а два пятьдесят, даже два сорок пять (правда, Санька напрочь отвергал подобную поправку, особенно на обратном пути – внутренние часы, ставшие точнейшим хронометром, утверждали, что дорога заняла три часа и четыре с половиной минуты). Все равно не хватало.

А что – не хватало? Другой мир, другое время.

Но и в родной Норушке привычные часы и минуты стали какими-то... послушными, что ли. Он точно знал, сколько займет путь от фонаря до дома, сколько потребуется времени помыть посуду, начистить кастрюлю старой, дряблой прошлогодней картошки. Не только глазомер развился. Стрелец, он ведь и время должен чувствовать. Упреждение взять при выстреле, например. Или вовремя выйти на тропу войны, а ещё, что важнее, вовремя с нее уйти.

Пообедав, они полежали полчасика под навесом, говорят, полезно и даже в армии по уставу положено. И в школе магов тоже. Сытная дрема накатила, подержала немного в коконе лени – и отпустила. Вернулись бодрость и желание что-то делать.

Мать сразу уловила это желание.

– Жуков обирать пойдешь? – спросила она. Но без настойчивости в голосе.

Обычно на жуков отводилось два дня в неделю. Первый был вчера. А нынче полагалось пойти вдругорядь, добрать шустрых да смекалистых, тех, кто вчера попрятался.

– Непременно пойду. Поди, соскучились, бедные, плачут в тоске, – энергия просто распирала его, не колорадских жуков – буйволов ловить готов.

– Точно, – сказал и Корнейка. – Мы в ответе за тех, кого обираем. Интересные у вас жуки. Нам по биологии задание о них узнать побольше

– Вот и хорошо, – с облегчением сказала мать. Гостя все ж неловко на огород гонять, а если сам хочет, да ещё от школы задание – совсем, совсем другое дело. Труд, если не изнурительный, только на пользу растущему организму, учили прежде. Для матери это и сейчас непрекаемая истина. Труд на земле развивает настойчивость, упорство, волю, терпение. Послушать ее, то работа в поле – вроде Шаолинского монастыря, где простых крестьянских детей превращали в непобедимых бойцов и пытливых мудрецов одновременно. Главное – что одновременно.

Впрочем, об этом она больше в прошлом году толковала. В этом нужды нет – Санька вырос и понимает: картошки на всех просто не хватит. Либо нам, либо жукам, выбирай сам.

Джой вскочил, едва они подошли к калитке. Неутомимый. Пастушеская собака. Ей и положено весь день на ногах проводить, на лапах то есть. Защищать стадо от волков. От драконов.

Привыкает он к псу. А ведь Джой у них только на время.

Стало грустно.

Оно бы неплохо совсем его себе оставить. Да только нечестно. Да и не получится никак. Это сейчас Корнейка мясо, брошенное в спецугодьях, для собаки берет. А уедет Корнейка...

Мысль о том, что и Корнейка покинет его, навеяла уже не грусть – тоску.

А от тоски наивернейшее средство – работа.

Путь на огород – сорок минут бодрым, энергичным шагом, ни на что не отвлекаясь и никуда не сворачивая.

Но Корнейка свернул – к Равилю.

Какая же я все-таки свинья! Сам и не додумался б дойти. То есть зайти бы зашел, но после, вечером. Сейчас у самих дело есть нужное. И у Равиля с Наташкой, поди, тоже. Зайти и не помочь – нехорошо как-то. А помогать, когда своя работа стоит – глупо. Вот сделать ее, свою работу, тогда другой оборот. Ты ее сделай сперва, свою-то.

Но Корнейка, видно, думал иначе. Или знал нечто, ведь волшебник, хоть и на каникулах.

По пути заглянули к Малкову. Тот, несмотря на послеполуденный зной, строгал что-то на верстачке под навесом. Под навесом прохладно, но и мухам, похоже, прохлада нравилась – налетели, устроили митинг, всяк норовит в суматохе чем-нибудь поживиться, урвать. Азиатская революция, право – так отец говорит, глядячи новости в телевизоре. Тут не телевизор, и мухи кружили вокруг Малкова беспрестанно и упорно, выключателем не щелкнешь, не уберешь. Хорошо, июнь, в июне они хоть и назойливые, но ещё не злые, не кусают.

– Здравствуйте, Федор Евгеньевич, – громко сказал Корнейка.

– И тебе не болеть, – выпрямился Малков. – Как дела?

– Как у всех, Федор Евгеньевич.

– Собака как, не утомила?

– Нет, все нормально, верно, Джой?

Джой гавкнул, будто согласился.

– Это хорошо, а то я подумал, измотал он тебя.

– Нет, не измотал, чего... Мы к собакам привычны, да и они к нам тож, – сейчас Корнейка говорил иначе, чем обычно. Слова те же, ну, два-три новых, да зато расставлены по-другому, и промежутки меж ними другие, да и самый выговор менялся – и получался совсем другой Корнейка, взрослее, что ли.

– Привычны, оно так... Он ест-то как?

– Как полагается. То, другое... По науке. Да вы поглядите.

А поглядеть было на что: Джой стал не больше, он уже был большим, но крепче, наполнился живой, несокрушимой силой. Ещё бы. Не тюрю ест, парную оленину. Но главное, думал Санька, не еда, главное другое. Джой стал – свободным. А у свободного существа все иное – и мысли, и движения, и даже шерсть стала блестеть.

– Да, похорошел, похорошел, вижу. Ты не жалея, – Малков полез в карман, вытащил кошелек, а из кошелька деньги. – Вот. Возьми. Это не за работу, тогда я ещё дам. На еду. Витаминов собачьих, корму – хрюппи или что ему нужно... – все это время Малков поглядывал на Джоя немного смущенно, но с надеждой. Пес в ответ смотрел ровно, но раз или два улыбнулся – то ли собственным мыслям, то ли рад был хозяину – кто, их, собак, разберет. И опять Саньку стало грустно.

Ерунда, ерунда. Что он, редко у Равиля бывает, что ли? А пойдет к Равилю – заглянет и к Джюю. Если тот не забудет и не станет облаивать, верный старому хозяину.

Но и Малков, похоже, тоже изменился, пусть немного, чуть-чуть. Например, сам, без просьб и намеков – он ведь не знает, что Джой вроде как со скатерти-самобранки ест – дал денег на прокорм.

А Корнейка – взял. Санька думал, откажется.

– Мало ли, вдруг и пригодятся, – сказал Корнейка. – Постоянно прибегать к волшебству...

– Нехорошо?

– Непрактично. Гораздо проще зажечь спичку, нежели тревожить элементаль Огня. Да и не всякий час ее потревожишь.

– Не всякий?

– Зависит от взаиморасположения небесных светил. Но я больше ради Малкова их взял, деньги.

– Ради Малкова?

– Да. Он ведь хоть как-то показать Джою свою привязанность. Вот и показывает, как умеет.

– Деньгами-то? Откупается.

– Ты, друг Александр, не спеши осуждать. Представь себе, что ты кому-нибудь можешь неделю жизни подарить. Отдать. Раз и навсегда – то есть сам проживешь неделей меньше. Или месяц. Или год. Отдашь?

– Ну... Смотря кому... и зачем. На пустяки, конечно, не отдам, а вот спасти если. И то, наверное, только ради близких людей... – он задумался: а возьмут ли самые близкие его недели, месяцы или годы, зная, что это – невозвратно?

– Видишь, как сложно. А для многих деньги – та же жизнь.

– Сравнил. Жизнь, она... а деньги – они... – выверенных определений у Саньки не было, но он был уверен, что Корнейка поймет.

– Ты учти: многие, очень и очень многие деньги трудом зарабатывают. А труд, пусть отчасти, есть сама жизнь. На тракторе пахать, канаву копать, в конторе бумажки писать – на все уходит время, силы, нервы. И вот для человека труда жизнь и деньги становятся понятиями близкими – я повторяю, деньги заработанные своим потом. А если жизнь на пустяки отдавать негоже, то и деньги – тоже. И если Малков дает деньги на Джою, то, по его ощущению, он дает кусочек собственной жизни.

Санька задумался. В доме у них относились к деньгам как-то двойственно, неясно. С одной стороны деньги совсем, совсем не главное в жизни, а с другой – тратили их с величайшим бережением. Как жизнь? Ну, это вряд ли. Хотя... Ботинки, например, стоят столько-то, а чтобы это «столько-то» заработать, матери нужно трудиться, например, сорок часов. Выходят, за них заплатили сорок часов жизни? Выходит. Видно, Санька и прежде это подозревал, потому носил обувь и одежду аккуратно, да что проку – он-то растет, а одежда нет, потому каждый год и приходится справлять обнову. Старые вещи не пропадали совсем, их отдавали двоюродной сестре отца, что жила в соседнем районе, у них подрастал Колька, на три года младше Санька, совсем пузырь.

– Дело в том, что деньги – это своего рода магия, – заключил коротенькую лекцию Корнейка.

– Добрая?

– Что?

– Добрая магия?

– Не бывает доброй или злой магии. Бывают добрые и злые маги.

– Получается, каждый из нас немножечко маг?

– Это почему?

– Ну, деньги... С ними же каждый имеет дело.

– Велика важность... Да и, правду сказать, чаще наоборот, не человек имеет дело с деньгами, а деньги – с человеком. Магия и состоит в умении повелевать деньгами, а не подчиняться им. Впрочем, ладно, ТБД у нас подробно проходят в старших классах, я знаю лишь азы.

– ТБД?

– Теорию Больших Денег, – произнес Корнейка, и стало ясно, что дальше продолжать разговор не стоит.

Зато думать – стоит.

Похоже, деньги – это прижившаяся на земля магия. Только ее мы и знаем, только ее нам и следует знать. Если, как он читал в легендах, существуют четыре стихии – огня, воды, ветра и земли, то есть и пятая стихия, стихия денег. И она подчинила себе все остальные. Или делает вид, что подчинила. Или мы по своей ограниченности думаем, что подчинила.

Они подошли к дому Равиля, и размышления о природе денег пришлось отставить.

Санька толкнул калитку; на веранде звякнул колокольчик. Это Равиль придумал: малая сигнализация. Калитка открывается, контакт замыкается, ток устремляется в старый, даже старинный, 19 века, электрический звонок, работавший от батареек. Звонок этот срабатывал и от нажатия обыкновенной кнопки, что была на столбе, но некоторые не утруждались подобными церемониями. Чужие. Или, напротив, свои, знавшие о свойствах звонка.

– А, это вы! Заходите, мы сейчас... – Равиль вышел на крыльцо веранды.

– Что делаешь? – спросил Санька.

– Ничего срочного.

– А все же?

– Ерунда, о чем говорить, – и правда, говорить Равилю явно не хотелось. Санька понял и расспросы прекратил, но тут вслед за Равилем показалась Наташа.

– Крупу перебираем, – сказала она.

– В смысле?

– В самом прямом. Гуманитарную помощь прислали, три мешка гречневой муки с мясом. С жучками то есть. Ну, а те, известное дело, не просто в крупе сидели. Кушали ее. Вот мы и сидим, сортируем – зернышко нам, зернышко курам.

– Да будет тебе, – Равиль стеснялся. Конечно, признавать, что получаешь гуманитарную помощь, да ещё гнильем, не очень приятно. Но Наташа считала их друзьями, настоящими, а от друзей чего скрывать...

– А, задачка для Золушки, знаем, проходили. Я в свое время наловчился, давайте, помогу.

– Да ну, зачем. Мы сами...

– Мне полезно. Повторение – мать учение, – и он решительно пошел на веранду. За ним и Санька. Назвался другом – то и дружи.

На веранде, устланной старыми, пожелтевшими газетами, стояли на полу три таза. Один, большой, эмалированный (эмаль пооббилась, ну, это случается), и два поменьше – медный и алюминиевый. Большой полнехонек, крупа доверху, а другие – пустые, по горстке-другой на доньшке. У стены – три мешка. Два полных, один початый.

– Ага. Классический вариант. И тазы все разные, как нарочно, – Корнейка подсел на корточки. – Медный для хорошей крупы, алюминиевый – для траченной, верно?

– Верно, – буркнул Равиль.

– А вот и неверно. Нужно наоборот, – Корнейка ссыпал крупу из обоих тазов в эмалированный. Равиль открыл было рот, да потом закрыл. Жаль работы, но гость в доме – барин.

– Заряжаем медный таз на траченную крупу, а алюминиевый – на хорошую, – Корнейка полуприкрыл глаза, сосредотачиваясь, потом обеими руками провел несколько раз по каждому из тазов. – Вот и все. А поначалу, помнится, часами бился, изнемогал, казалось, действительно, проще так, руками. И сил было маловато, а больше умения не хватало, – он поставил тазы рядышком, однако оставил меж ними промежуток с ладонь.

– Это... Это ты к чему? – спросил Санька.

– Домашняя магия в действии, – с этими словами Корнейка выпрямился, держа на руках большой эмалированный таз. – Тяжелый он, однако. Ну, смотрите – и он наклонил таз над полом. Крупа посыпалась вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.